

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПАМЯТИ МЕЧИСЛАВА БОРАКА

12 мая в «Международном Мемориале» прошел вечер, посвященный памяти Мечислава Борак — историка, музейного работника, педагога, скончавшегося 15 марта. Со смертью Борак чешское сообщество историков лишилось одной из самых ярких личностей. При непосредственном участии Борак была создана обширная база данных «Чешские следы в ГУЛАГе», сняты документальные фильмы «Преступление по имени Катень», «Замолчанные казни». Борак публиковал биографии найденных жертв. Он автор таких книг, как «Репрессии граждан сегодняшней Чешской Республики в СССР», «Репрессии граждан Чехословакии в Советском Союзе», «Московские могильники: чехи и граждане Чехословакии, казненные в Москве в период 1922–1953», «Тайные казни. Чехи и чехословацкие граждане, казненные на Советской Украине: из истории Большого террора на Волыни и в Подолье».

Ведущий, член Совета НИПЦ «Мемориал», сотрудник архива «Международного Мемориала» Алексей Макаров, открывая вечер, заметил, что это мероприятие — дань памяти всем тем коллегам в других странах, кто на протяжении многих лет трудился, увеличивая наши знания о репрессиях, причем не только в СССР. Он подчеркнул, что Мечислав Борак занимался темой репрессий не просто из научного интереса, а потому, что вокруг него были люди, которые задавали вопросы на эту тему и которым были очень важны ответы.

Сотрудник Чешского культурного центра Ян Махонин рассказал о Мечиславе Борак и темах, над которыми тот работал. Борак был человеком скромным, немедийным и одновременно — очень добрым и веселым. Он родился в 1945 году. Закончил Карлов университет в Праге в 1968 году по специальности «журналистика». Но в атмосфере «нормализации» (так назывался установленный в 1968 году режим Густава Гусака, жестко подавлявший последствия «Пражской весны») он предпочел стать социальным работником и психологом на металлургическом комбинате в провинциальной Оставе, центре одноименного пограничного с Польшей края, чтобы не работать по профессии, предполагавшей компромиссы с властью. Но позже он все же решил продолжить научную карьеру и в 1972 году закончил диссертацию о чешской католической прессе в Австро-Венгрии. Понятно, что тогда эта тема не особо приветствовалась, но диссертацию он защитил. Однако в университете Мечислав Борак не остался — опять же из-за нежелания идти на компромиссы с властью. Он стал сотрудником Музея современной истории в соседней Опаве. И лишь с конца 1980-х, когда политическая ситуация изменилась, он стал преподавать в университетах Оставского края — в Опаве и Оставе, а затем в университете моравского Оломоуца. В 2009 году Борак стал профессором. Помимо университетов, он с 2000 года работал в Центре документации и переводов произведений искусства, перемещенных во время Второй мировой войны, — организации, определяющей судьбу произведений искусства, которые в тот период сменили хозяев (часто это были вещи, конфискованные нацистами у евреев).

«Его научные интересы были связаны с историей Чешской Силезии в XX веке, особенно Тешинской области, несколько раз переходившей из рук в руки», — рассказал Ян Махонин. По его словам, од-

ной из первых тем исследований Борак стала судьба евреев Чешской Силезии, во время Второй мировой войны депортированных нацистами в Польшу. «Это была первая масштабная акция Холокоста. Мало кто из этих людей выжил и вернулся домой. Ему удалось придать этой региональной теме международное звучание», — отметил Махонин. Этой теме посвятил свое выступление и историк Павел Полян. Он отметил, что «Операция Нийсо», попытка создания «еврейского резервата» с центром в Люблине, в рамках которой происходила исследуемая Мечиславом Борак депортация евреев из Оставы, была поворотным моментом в политике нацистов по отношению к евреям. «Этот проект начался в октябре 1939 года во время колебаний нацистского руководства — что же делать с евреями. Для резервата выделялась большая площадь в 20 000 км² с центром в Люблине. Но проект не состоялся из-за соперничества ведомств: губернатор Польши Ганс Франк, обиженный тем, что СС не посоветовалась с ним, добился того, что его реализация была заморожена, и к лету 1940 года о проекте забыли», — рассказал Павел Полян.

Ян Махонин отметил, что до 1989 года Мечислав Борак занимался темой Второй мировой войны, но когда сменился режим и открылись архивы, сфера его интересов сместилась в другую область — репрессий коммунистических режимов против своих граждан. Первой темой его исследований стал «чехосло-

Окончание на с. 9 >

ДЕЛО ДМИТРИЕВА

6 июня в помещении «Международного Мемориала» прошел пресс-брифинг «Юрий Дмитриев. Уголовное дело vs дело жизни», посвященный проходящему в Карелии судебному процессу по делу Юрия Дмитриева, историка, руководителя Карельского отделения «Мемориала», создателя мемориальных кладбищ на местах массовых расстрелов и исследователя сталинских репрессий.

Подробно о «деле Дмитриева» «30 октября» писала в № 136. Юрий Дмитриев был арестован 13 декабря 2016 года по подозрению в изготовлении порнографических снимков его приемной дочери. 9 марта 2017 года ему предъявили новые обвинения: помимо производства порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, ему вменяют ст. 135 Уголовного кодекса РФ («Совершение развратных действий без применения насилия») и ст. 222 («Незаконное хранение огнестрельного оружия»). За полгода, которые Дмитриев находится в СИЗО, в его поддержку выступили сотни человек: ученые, общественники, правозащитники, журналисты, православные священники и участники международных дней памяти жертв Большого террора.

Открывший брифинг историк, журналист, член постоянной комиссии по исторической памяти Совета по правам человека (СПЧ) при Президенте РФ Николай Сванидзе отметил, что дело Дмитриева — «это не личное дело». «История или наше прошлое рассматриваются как идеологическая платформа режима, и потому честные историки воспринимаются как реальные политические оппозиционеры и фактически идут по минному полю. По мнению власти, историю нужно излагать не так, как было, то есть по правде, а

как требуется. Между тем, история — это наука, и ее задача состоит в максимальном приближении к истине. Но это сейчас не допускается», — подчеркнул Николай Сванидзе. Он отметил, что дело Дмитриева — чисто политическое, проведя аналогию с развернувшимся в Москве делом академика Юрия Пивоварова¹, и подчеркнул необходимость максимальной публичности этого процесса. «Это активность местных властей, бегущих впереди паровоза и боящихся недокрутить гайки. Надеюсь, что в Верховном суде эта проблема будет исчерпана. Задача журналистов в этом деле — максимально широко говорить об этом», — заключил Сванидзе.

О причинах возникновения «дела Дмитриева» говорил Сергей Кривенко, член Правления «Международного Мемориала», член постоянной комиссии по исторической памяти СПЧ при Президенте РФ. Заметив, что наша власть «любит отвечать неадекватно и непропорционально», Кривенко связал его с активной деятельностью Юрия Дмитриева по мемориализации места массовых расстрелов в Сандармохе.

Окончание на с. 9 >

На снимке: Юрий Дмитриев в зале суда. Фото Сергея Маркелова интернет-портала «7x7»

«СОПРОТИВЛЕНИЙ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕ ИМЕЛ»

В Перми в рамках общественно-городского фестиваля «Мосты» в Центре городской культуры прошла презентация 16-го тома региональной Книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора». Презентация проходила в совершенно необычном формате. «Срез» — так называлась акция, в ходе которой молодые люди читали документы, которые вошли в 16-й том Книги памяти.

На вопрос, почему эта акция получила такое название — «Срез», председатель Пермского отделения «Мемориала» Роберт Латыпов ответил, что название этому действу придумала автор сценария презентации Анастасия Сенчина.

— Срез по живому дереву памяти, обнажающий кольца трагедии, пережитой российским крестьянством в 1930-е годы советской власти. Своего рода документальный спектакль. Группа молодых лю-

Дорогие читатели!

Вы хотите получать газету по электронной почте? Отправьте в редакцию запрос на бесплатную pdf-подписку по адресу: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на издание и дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если у вас нет компьютера, сообщите свой адрес почтой, постараемся передавать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Санкт-Петербургский «Мемориал»: Ирина Вербловская об Анне Барковой с. 3

Спорная выставка в МК Натыйн с. 4

Исследователи Карлага — о человеке и музее с. 6

Тульский «Мемориал» представил книгу Магдалены Буркиной «Неспокойная моя душа...» с. 8

Восстание крестьян заволжья с. 10

Конференция, посвященная 100-летию Февральской революции с. 11

Окончание на с. 2 >

РЕГИОНЫ

➤ Окончание. Начало на с. 1

зы жизни крестьян, которые попали под жернова повсеместного «раскулачивания». Это был своего рода драматический спектакль. В советские времена нечто похожее на такую театральную постановку называлось «литмонтаж». Знаете, чтецам не нужно было особо, с помощью интонаций, читать эти документы, донесения, письма и заявления. За каждым документом были судьбы людей, простых крестьян. Я видел, что многие из тех, кто пришел на презентацию, тихо плакали, не стесняясь своих слез. Ведь те, о ком говорилось в архивных документах, жили на наших землях, и их потомки в этот день находились в зале. Для них услышанное было потрясением, — рассказывает Роберт.

Он пояснил, почему присутствующие, особенно люди старшего поколения, испытали такой эмоциональный шок.

— Существовал такой стереотип, что Пермский край служил как бы ссылкой для раскулаченных из других регионов России. А пермяков вроде бы раскулачивание не коснулось. А в этом 16-м томе по документам видно, как раскулачивание проходило в Пермском крае. Зачитывались протоколы заседаний колхозов о раскулачивании, инструкции партийных органов — как нужно проводить эти мероприятия. Есть протоколы о том, как разворовывалось изъятое имущество. Все это зафиксировано было в документах, которые были нами найдены в архивах и теперь опубликованы. Письма крестьян, которые пишут, что их неправильно раскулачивают. Многожанровые документы, газетные статьи, постановления, рапорты о нарушениях во время раскулачивания. Нам очень хотелось, чтобы об этом узнало как можно больше людей.

Ярким примером того, как проходило раскулачивание в селе Медянка Уинского района Уральской области, служит письмо курсантки Пермской совпартшколы Анастасии Тюриной, которое она отправила в Пермский окружной комитет ВКП(б). В нем Анастасия говорит о недостатках в проведении раскулачивания. Письмо датировано 4 февраля 1930 года.

«Я, курсантка Пермской СПШ Тюрина Анастасия, работаю на зимней практике в селе Медянке с 24 января. Со дня моего приезда идет в Медянке раскулачивание таким образом: ночью едут члены коммуны (председатель колхоза, секретарь партийной ячейки т. Ильин) к назначенным лицам и делают опись имущества полностью, с инвентаря, скота и до маленького гвоздочка, и потом увозят в склад. Если попадается что съестное из продуктов, то оно попадает в руки ликвидаторов имущества, и разносили, кто сколько может взять. Был факт, когда при отчуждении забрали мед, яйца, масло, вино, семя и делили между членами коммуны. Снимали валенки с ног, платья с женщин, отбирали постель и деньги, если попадут.

Даже у одной старухи были взяты 20 копеек, но куда поступили — неизвестно. Было взято: кольца с рук, продукты, которые отчуждали (капусту, огурцы, кадки). Все это сброшено и нет доклада, а имущество сложено в куче и многое на лицо по описи не оказалось. И ночью увозили хлеб возами, несколько тоже затеряно.

30 января было в клубе собрание членов коммуны и членов коллектива по обсуждению о выселении индивидуальных и лишенцев хозяйства. Тов. Ильин, секретарь партийной ячейки, высказался, что «товарищи, вот наступил 1918 год, и мы должны им за все прошлое отомстить. Часть выселим и часть пойдем под порох». И постановили: отобрать у всех индивидуальных и лишенцев все имущество, до последнего даже гвоздочка и разделить в коммуну, в колхоз. И увозили ухваты, лопаты, всю грязную дрянь, а половики новые, постель, стрелять (грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, обычно дотомканная. — Примеч. ред.) и все приданое деревенских не везли в коммуну, а украсили свои комнаты. Было 5 красных свадоб и невестам отдано хорошее приданое.

Я на партийном собрании выступила, сказала, что так неправильно, все не отбирается, указала, что раскулачивание должно быть таким: отбирается земля, скот, хлебные излишки, инвентарь и роскошь за неуплату недоимки. Они меня пришили к правому уклону.

4/II—[19]30 года
Курсантка Пермской совпартшколы,
кандидат ВКП(б) Тюрина»

При раскулачивании у людей отбирали все до нитки. Отчаявшиеся крестьяне, не добившись справедливости у местных властей, писали письма в Москву Сталину, надеясь, что отправленное письмо дойдет до адресата, будет внимательно изучено и справедливость будет восстановлена. Показательно письмо крестьянина Константина Зырянова из деревни Верхняя Ярзювка:

глухомани не было, то выбрали трех крестьян, чтобы шли за много километров туда, откуда можно было отправить телеграммы в Москву.

Телеграмма спецпереселенцев Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину
о бедственном продовольственном положении
[Не ранее 17 июля 1931 г.]

«В хозяйстве у меня рабочей наемной силы не было только имелось 1 лошадь рабочая 2 коровы дойных 2 подростка овцы и куры и как водится в хозяйстве, поскольку я если не стремился бы к сельскому хозяйству так я бы совершенно не пошел бы на хутор. Все меня вынуждало работать для прокорма моей семьи из семи человек и трое трудоспособных. Сопровитлений я никаких не имел против Советской власти всегда был аккуратен в платежах как в сельхозналоге и налогу я платил в нынешнем году 90 руб. хлебозаготовок я сдал 80 пудов и вот моя вся биография жизни. Не пойму, по какому я поводу попал под раскулачивание и прошу тов. Сталин проверить мое заявление, написанное вам, и оценить работу наших низких аппаратов как с/совета, ужасно суровые меры были приняты сельским советом и много произошло превышений линии генеральной партии, были даже предприняты со мной таковые меры что не давали взять с собой одежды и очень много разных суровых мер было принято с выселенцами в чем прошу тов. Сталин обратить внимание на мое горе которое я описал вам в чем и подписуюсь. Зырянов Константин Федорович.

Пишу из села Верхне-Камского округа Соликамский район Верх-Яйвинский с/совет деревня Верхняя Ярзювка.

Чтобы доказать свою лояльность советской власти и убедить Сталина, что он, Константин Зырянов, никакой не кулак, он собрал подписи граждан Екимятского с/совета о том, что он не может подлежать выселению. «Подписи сделаны бедняками и батраками и поданы в Калининский РИК и все эти подписи в райисполкоме исчезли. И на них не обратили внимания. Жаловаться не знаем кому», — пишет Константин Зырянов.

175 семей с детьми в курене Шегровитый Пашийского промхоза обречены на голодную смерть или выступление в голодный поход. Снабжение прекращено с 17 июля. Примите меры. Положение паническое.

Переселенцы
Точно такая же телеграмма, с таким же текстом была адресована «Всесоюзному старосте» Михаилу Калинин. Понятно, что эти телеграммы до адресатов не дошли. Ходоков арестовали.

«СОПРОТИВЛЕНИЙ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕ ИМЕЛ»

«ПРИМИТЕ МЕРЫ. ПОЛОЖЕНИЕ ПАНИЧЕСКОЕ»

— В книге есть материалы следственного дела из Пашийского леспромхоза, где жили и работали ссыльные, — рассказывает Роберт Латыпов. — Мы только что прошли по тем местам во время поисковой экспедиции «По рекам памяти». Совершеннейшее бездорожье, глухомань. А в те годы было еще хуже. В эти края было сослано 175 семей, которые помирали там от голода. В радиусе 200–300 километров нет жилья. И вот эти семьи решили отправить телеграммы Калинин и Сталину. А поскольку телеграфа в такой

— И следователь заводит дело в 1933 году. Учитывая время, следователь мог кого-то подвести под расстрел, кого-то отправить в ссылку или же на строительство Беломорско-Балтийского канала. Но он принял совершенно неожиданное для того времени решение. Он понимал, что кого-то наказать все равно надо. Ситуация-то серьезная — спецпереселенцы написали Сталину! Но следователь знал и другое: эти 175 семей были сосланы и лишены доставки хлеба и другого продовольствия. А это верная голодная смерть. Три человека взяли всю вину на себя и дали показания, что они и только они трое решились на такой шаг — отправить телеграммы в Москву. И следователь принял условия этой игры, что виноваты только трое и больше никто. Это были жертвы во имя спасения других, — продолжает свой рассказ Латыпов.

То, что хотели предпринять трое спецпереселенцев, — это серьезное по тем временам преступление, за которое можно было приговорить их к расстрелу. Тогда уже было время, когда и за менее серьезные проступки людей расстреливали. Но, тем не менее, по рекомендации следователя судом было вынесено решение отправить этих троих крестьян с семьями еще дальше на север. На презентации Роберт Латыпов вспомнил об этом драматическом случае.

— В этой дикости, в ситуации полнейшего беспредела следователь увидел всю безысходность создавшегося положения для этих 175 семей. Он понял, что этим людям ничего не оставалось, как просто умирать. Он принял такое вот соломоново решение. При этом он и себя подвергал опасности. Даже при знакомстве с этими документами показана драма. Драма не только этих бедолаг, которых сослали, но и карательных органов. Некоторые говорят: а почему эти люди не сопротивлялись, не подняли восстание? Но те, кто задает эти вопросы, не понимают, что это было за время, время массового террора. Попытка отправить телеграммы — это шаг отчаявшихся. Я сам был потрясен, когда ознакомился с этими документами, — говорит Латыпов.

ВАЖНО БЫЛО, ЧТОБЫ СЛОЖИЛАСЬ КАРТИНА

Ответственный за выпуск Книги памяти доктор исторических наук Андрей Сулов сказал:

— Работа над книгой, я прочитал огромное количество документов. Был вопрос, что отобрать из них. Важно было, чтобы сложилась картина, ведь в 1930-е годы происходила, по сути, социальная революция с огромными жертвами. Сверху власть создавала сначала весьма расплывчатые документы без конкретных указаний, как это делать, а исполнители на местах делали, как хотели...

Роберт Латыпов сообщил, что организационную и содержательную поддержку этому многолетнему проекту оказывают администрация губернатора Пермского края, региональная Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, Пермский государственный архив социально-политической истории, а финансирование всегда осуществлялось из бюджета Пермского края. Однако с 2014 года средства перестали выделяться, и лишь сейчас финансирование возобновилось, что позволило выпустить очередной, 16-й том серии. Роберт Латыпов называет 16-й том Книги памяти многострадальным, вымученным:

— Работа над документами началась еще в 2010 году. В 2011 году том был в целом сформирован, и начался поиск денег. Изначально финансовую поддержку книжной серии оказывала администрация губернатора Пермского края, средства выделялись по статье целевой программы «Власть и общество». Однако при губернаторе Викторе Басаргине средства вдруг перестали поступать. В конце концов «Мемориалу» удалось выиграть конкурсный грант и завершить проект. Но нам нужно было в течение четырех месяцев подготовить книгу к печати. Тот, кто хоть однажды сталкивался с изданием документальных материалов, знает, каких трудов стоило нам за столь короткий срок подготовить издание, но мы все успели сделать, и 16-й том Книги вышел. Правда, тираж небольшой, всего тысяча экземпляров.

«ТЕХНОГЕННОСТЬ ДЕЛАЕТ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ КОРОЧЕ»

Александр Калих, почетный председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал», считает, что у пермской Книги памяти

2 основных адресата. Первый — это сами пострадавшие в годы политических репрессий и их родственники, а второй адресат — молодое поколение.

— Молодые люди в большинстве своем очень технологичны. Они, безусловно, впечатлились содержанием книги. Удивительно, что для некоторых это было новостью, они ничего раньше не читали об этих событиях, и поэтому для них все происходившее в те годы — terra incognita. Наша задача — чтобы все то, что происходило, стало доступным, чтобы молодые поняли весь трагизм происходившего в те годы. Те, кто читал отрывки из книги, они, конечно, прониклись. Но настоящего сострадания, переживания — этого у многих молодых я не заметил. Техногенность души человеческие чувства, она делает память молодежи короче. Нам хотелось бы, чтобы они остановились в своем беге, чтобы оглянулись на те годы и пропустили через свое сердце весь трагизм произошедшего. Память укорачивается, потому что нет сострадания, которое должно прийти через понимание происходившего в то время, — считает Александр Калих.

По его мнению, издание уникально — оно абсолютно документальное и абсолютно монографическое.

— Если раньше в Книге памяти, во всех вышедших 15 томах, допускалась печать публицистических текстов и мемуаров, то сейчас принцип полностью академический — только архивные документы. И в этом большая заслуга ученых-историков, писателей, журналистов. Но основная нагрузка при подготовке к изданию 16-го тома легла на плечи доктора исторических наук Андрея Сулова и председателя Пермского «Мемориала» Роберта Латыпова, — сказал Александр Калих.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Роберт Латыпов на акции «Срез» представляет 16-й том Книги памяти. Фото из архива Пермского «Мемориала»

ЛИЦО ПЕТЕРБУРГСКОГО «МЕМОРИАЛА»

Ирина (Ирина) Савельевна Вербловская не просто старейший член Санкт-Петербургского общества «Мемориал», она — одна из тех, кто его создавал и кто с величайшим достоинством представляет его сегодня. И самое главное — очень важная исследовательская литературная работа Вербловской о поэтах-жествах ГУЛАГа: Анне Барковой, Осипе Мандельштаме, Анне Ахматовой.

ИРИНА ВЕРБЛОВСКАЯ

Ее жизнь, ее судьба вместили многое: университетскую юность на историческом факультете ЛГУ, участие в диссидентском движении, в подпольной организации Р.И.Пименова, ГУЛАГ. Она была арестована 28 марта 1957 г., 4 февраля 1958 г. приговорена Ленинградским городским судом к 5 годам ИТК по ст. 58-10 и ст. 58-11 УК РСФСР, отбывала срок в Сиблаге (Мариинск), Озерлаге, Дубравлаге в Мордовии. После освобождения из лагеря Ирина испытывала проблемы с жильем и устройством на работу: сначала работала секретарем в Доме Народного Творчества в Калинин (Твери), потом вела краеведческий кружок во дворце пионеров, затем работала экскурсоводом в Ленинграде... Испытаний и утрат выпало много. Но это не только не сломило ее, но ее энергии, активности, страстности могут и сейчас завидовать многие молодые.

Ирина Савельевна приняла самое активное участие в создании «Мемориала»: она была участником Учредительного съезда «Мемориала» в Москве, горячих дебатов в ДК Ильича, сформировавших лицо Санкт-Петербургского «Мемориала». С тех пор, где бы она ни оказывалась, она всегда представляла «Мемориал» и его идеи.

Много раз ее избирали членом Правления Петербургского «Мемориала» (она и сейчас входит в состав действующего правления), и везде, в какой бы из комиссий ни пришлось ей работать, она оставила достойный след. В историко-архивной комиссии — от участия в экспедиции на Свирь, по местам Свирьлага, до работы в московских архивах. В социальной комиссии — в начале 1990-х годов — принимала самое активное участие в организации распределения гуманитарной помощи и в поиске лагерников, живших в Ленинграде и не являвшихся членами «Мемориала». В культурно-просветительской комиссии — проведение великодушных

экскурсий («Репрессированный город», «Петербург Анны Ахматовой», «Мандельштам в Петербурге», «Шостакович...», «Ольга Берггольц...», «Куприн...», «Поэты-царскосельцы», а также по знаменитым пригородам Петербурга) и циклов лекций, которые собирали и собирают самую многочисленную мемориальную аудиторию. И самое главное — очень важная исследовательская литературная работа о поэтах-жествах ГУЛАГа: Анна Барковой, Осипе Мандельштаме и, конечно, книга об Анне Ахматовой «Горькой любовью любимой. Петербург Анны Ахматовой» (СПб., 2003, 2014). Это был личный подвиг Ирины Савельевны, но мы всегда гордились тем, что это труд члена «Мемориала». И последняя замечательная работа — мемуары «Мой прекрасный страшный век» (СПб., 2011), — конечно, заняла достойное место в мемуаристике диссидентства. В библиотеке «Мемориала» эту книгу невозможно найти стоящей на полке — ее активно читают.

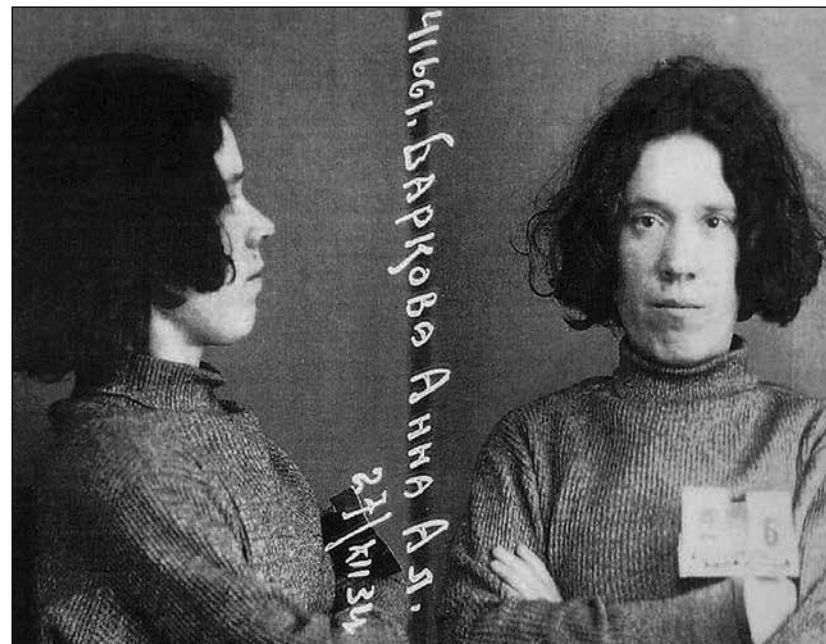
К своему юбилею Ирина Савельевна сделала подарок друзьям-мемориальцам — в апреле в гостинице «Мемориала» на Разъезжей, 9 она провела вечер, посвященный Анне Барковой, поэту, более 20 лет проведенной в ГУЛАГе.

АННА БАРКОВА

Предоставим слово самой Ирине Савельевне:

— В апреле месяце 2017-го в нашем «Мемориале» я рассказала о замечательном поэте — Анне Барковой. Я стараюсь примерно раз в месяц либо прочесть лекцию, либо провести экскурсию для своих коллег по «Мемориалу». Считаю это не общественной нагрузкой, а гражданской обязанностью. «Мемориал» — хранитель горькой памяти. Чем дальше уходит время, тем меньше возможностей противостоять искажениям, а часто прямой лжи о прошлом. Это не только отвратительно, но и опасно. Вспоминаются слова Фучика: «Люди! Будьте бдительны!»

Мы все в долгу перед памятью о наших соотечественниках, погибших от чудовищной репрессивной машины советской власти. Это были не только рядовые труженики, но часто это были творческие люди, создавшие и создавшие культурные ценности. Уничтожено было много писателей. Захар Дичаров собрал сотни имен в своих книжках «Распяты», но и это лишь малая толика того, что погибло вместе с самими творцами. Что знаем мы о Колбасеве, Баршеве и многих других? Я полагаю, что мне удастся сделать цикл лекций о репрессированных литераторах — поэтах, писателях, драматургах, литературоведах, переводчиках, которые не обогати-

ли отечественную культуру не из-за отсутствия талантов, а оттого, что их лишили жизни или отправили в ГУЛАГ бороться за выживание. Первой мне хочется хоть в какой-то мере отдать долг замечательному русскому поэту (поэтессе), проведенной в советских тюрьмах, на этапах и в лагерных зонах 5+8+8=21 год. Это Анна Александровна Баркова. Есть у меня и личная причина — без малого 4 года мы были с ней в одной зоне, вместе перемещались из Западной Сибири в Восточную, а потом в Мордовию. Она была худенькой женщиной со впалой грудью, глухим низким голосом, много курившая. Когда она появилась летом 1958 года, у нее были огненно-рыжие кудри, которые внезапно стали седыми. По ее поведению и манерам было понятно, что она человек бывалый. И действительно, это был ее третий срок... Позади казаские степи первого срока, заполярные вьюги — второго. Теперь ее привезли тянуть 3-й срок.

В давние годы талант Барковой привлек внимание ценителей поэзии. Но при жизни вышла всего одна ее книжка «Женщина», 1922 года издания, зато по смерти вышло несколько сборников ее стихов и максимально полный сборник стихов, корреспонденции, статей, ей и ее творчеству посвященных «Вечно не та» (Москва, 2002, Фонд С.Дубова). О ней писали Л.Аннинский, Л.Таганов — профессор Ивановского университета и другие. Но это случилось в годы перестройки...

Говорить, вспоминать Анну Александровну Баркову — это удивляться и восхищаться ее прозорливостью, умом и талантом, это чувствовать глубокое сострадание к ее мучительной судьбе. «Ты — жизнь моя, испорченный набросок великого творения, — истлей!» — писала она о себе. Еще современники называли ее «Ахматова в спешке», хотя она принадлежала совсем к другой среде.

Много биографии. Уроженка Иваново-Вознесенска — тогда город имел двойное название — в первом поколении, потому что ее деды были родом из Кинешмы. Может быть, поэтому в разговоре она ударным делала звук «о», как это дела-

рашняя гимназистка была находкой. Он глубоко заинтересовался ее творчеством и... Вызвал ее в Москву, поселил в своей квартире, пока не найдется другого жилья, и сделал своим личным секретарем. Фантастическая карьера! Так длилось почти 4 года. Обитатели Кремля не стеснялись говорить в присутствии секретарши. Баркова, так искренне уверовавшая в революцию, увидела перед собой откровенных циников, чьи высказывания в печати не совпадали с их подлинными мыслями и оценками.

Назревал конфликт. Баркова покинула секретариат Луначарского и пыталась устроиться в различные газеты и издательства Москвы. Только благодаря симпатизировавшей ей М.И.Ульяновой, сестре Ленина, ей удалось устроиться журналистом-корреспондентом в газету «Правда» и получить, наконец-то, квартиру в коммунальной квартире. Уже в 1931 году она пережила глубокое разочарование. Тогда в одном из своих стихотворений, а стихи она писала все время, даже не надеясь на их публикацию, она написала: «Угостили нас пустым орешком...». Она прозревает.

Не удивительно, что во время самых первых арестов после убийства Кирова (к которому она, разумеется, не была причастна), она была схвачена и отправлена на 5 лет в лагерь. Она была одной из обитательниц печально известного АЛЖИРа — Акомлинского лагеря жен изменников Родины. Не была она ничьей женой, всю жизнь прожила одинокой, не имея родственников, но лагерь в поселке Долинка неподалеку от Караганды имел такое экзотическое название. Позже она напишет, что «степной сжигал ее зной».

В заключении провела она 5 лет, разрушила и без того некрепкое здоровье и оказалась на свободе, не имея права ни возвратиться в Москву, ни поселиться в другом большом городе. После изрядных мучарств она обжилась в полуподвальном помещении в Калуге, где счастьем считала хоть на какое-то время устроиться на работу ночным сторожем. В основном она действительно нищенствовала и жила впроголодь. Во время войны Калуга долгое время была в оккупации. Это стало поводом ко второму аресту Барковой в 1947 году. На долгие 8 лет она попала в заполярные лагеря — сначала в Инту, потом в Абезь. Одна из ее сокамерниц вспоминала, что в зоне было немало интересных и значительных личностей, но и среди них Анна Александровна выделялась своим острым умом, самостоятельностью суждений, поэтическим даром. Там, в неволе она пережила большой творческий подъем. Самая значительная часть ее поэтического творчества была создана в эти годы — конец 1940-х — середины 1950-х годов. Освободившись по комиссии, то есть в связи с полно-

Окончание на с. 4

На снимках: Ирина Вербловская на встрече с читателями.

Фото автора.

Арестантский снимок

Анны Барковой, 1934 г.

Фото из архива

«Санкт-Петербургского Мемориала»

3 июня в Петербурге вспоминали жертв Красного террора и сталинских репрессий. Акция памяти репрессированных в первую субботу июня проходит с 1988 года.

Участники акции собрались на Воскресенской набережной в центре Петербурга напротив следственного изолятора «Кресты». На воду спустили венки и цветы в память о жертвах сталинских репрессий. Среди узников «Крестов» был сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева Лев Гумилев. Затем участники траурной церемонии отправились к Соловецкому камню на Троицкой площади. Впервые за 30 лет у Соловецкого камня не было митинга — организаторам акции, членам Петербургского «Мемориала», в обычном формате его не согласовали из-за того, что в городе проходит Международный экономический форум и идет подготовка к Кубку конфедераций — на это время все массовые акции в городе запрещены. «Мемориалу» предложили бросить цветы в воды Фонтанки и молча ехать в Левашово (автобус городское правительство традиционно выделило).

На акцию пришли около 60 человек. Сопредседатель Правления Санкт-Петербургского «Мемориала» Александр Даниэль напомнил собравшимся о предстоящих в этом году годовщинах: 100-летию октябрьского переворота, 80-летию Большого террора. Ирина Вербловская заметила, что нельзя забыть и 100-летие образования ВЧК.

«Мы также не можем сегодня не вспомнить о начавшемся на этой неделе в Петрозаводске суде над нашим коллегой, председателем Карельского отделения общества «Мемориал» Юрием Дмитриевым (подробнее о нем — на с. 1 и 9), против которого выдвинуто надуманное обвинение», — сказал Александр Даниэль.

Другая группа историков и правозащитников, а также неравнодушных горожан пришла к Головкину бастиону Петропавловской крепости. У его стен находится захоронение первых жертв Красного террора в Петрограде. Участники акции добиваются, чтобы это место было официально обозначено как захоронение репрессированных.

По материалам Фонда Иофе и ИА «Когита!»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИЦО ПЕТЕРБУРГСКОГО
«МЕМОРИАЛА»

➤ Окончание. Начало на с. 3

стью разрушенным здоровьем, она начала борьбу за реабилитацию по обоим делам. Это было необходимо для того, чтобы вернуться в Москву. А пока что она жила у друзей, то у одних, то у других, без средств к существованию. Она продала в ЦГАЛИ (Центральный госархив литературы и искусства) хранимые ею письма А.Луначарского.

В связи с ожидавшимся в Москве Международным студенческим фестивалем, не имея прописки, она сочла целесообразным уехать из Москвы. Ее приютила бывшая солагерница в Шгеровке Ворошиловградской (Луганской) области. Там она и получила долгожданные документы о полной реабилитации по обоим делам. Но всего лишь через неделю после этого торжества правосудия она была арестована по той же 58-й (там 54-й) статье... Поводом был донос, причиной — ее творчество. Донос «милый соседки» был на то, что обе старухи ранним утром слушают «Голос Америки», а котика своего назвали Никиткой... Причина — перехваченные рукописи Барковой, которые она, готовясь к отъезду в Москву, отправила туда по почте. В них усмотрели антисоветское содержание. И в оттепельном 1957 году Баркова и ее приятельница по предыдущему сроку были арестованы и осуждены на 10 лет заключения.

Летом 1958 года обе они были по этапу доставлены в Суслово, в один из ОЛПов (отдельных лагерных пунктов. — Примеч. ред.) Сиблага. Лагерь потом переместили в Восточную Сибирь (Озерлаг с Тайшетом в центре), а еще через примерно полтора года — в Мордовию. Только благодаря заступничеству Федина и Твардовского Баркова через 8 лет была освобождена. Но и на этот раз ей пришлось изведать инвалидный дом в Потье, где было не лучше (а хуже!), чем в заключении, прежде чем она получила возможность поселиться в Москве. Комната в коммунальной квартире и пенсия 75 рублей позволили ей спокойно прожить последние 10 лет жизни. Муза не покинула ее.

После многих лет (весь третий срок она не писала стихов!) она пережила вновь творческий подъем. Ее друзья помогали собрать и систематизировать написанное ею. Восторгаясь ее стихами, приятельница сказала ей, что она пишет не хуже Ахматовой. Анна Александровна сказала, что не считает это комплиментом. Однако за творчеством великой современницы следила, фотографии ее хранила и даже повторила метрику ахматовской «Поэмы без героя»: «Нет! не в атомной передыжке / Стали леплом листы бумаги, / Что исписаны были мной. / Не в загробном аду сторела / Жизнь моя, а в тундре истлела, / И степной сжигал ее зной...».

Когда-то Баркова писала: «Может быть, через пять поколений / через грозный разлив времен / Мир отметит эпоху смятений / И моим среди других имен». Анна Александровна Баркова скончалась более сорока лет тому назад. Своей страдальческой жизнью она охватила три четверти XX века. Вот уже и подходит по срокам пятое поколение...

Выступая в «Мемориале», Ирина Вербловская старается процитировать как можно больше стихов, а читателей отсылает к однотомнику 2002 года. «Мне думается, что такая серия, начало которой положено этим рассказом, была бы нужна за пределами «Мемориала» — в школах, в других учебных заведениях. Возможно ли это осуществить в современной обстановке, большой вопрос. Но тем актуальнее и насущнее его решить...»

Галина ШКОЛЬНИК,
«Санкт-Петербургский Мемориал»

17 мая в помещении «Международного Мемориала» прошел вечер памяти знаменитой актрисы и узницы сталинских лагерей Татьяны Окуневской. Вечер вел ее внук, музыкант легендарной группы «Звуки Му» Александр Липницкий. Он подчеркнул, что место проведения памятного вечера глубоко символично, поскольку в свои последние годы Татьяна Окуневская была тесно связана с «Мемориалом», и именно с помощью «Мемориала» она нашла место расстрела своего отца и бабушки. «Ее архивные разыскания по этому поводу окончательно убедили её в том, что она поступила правильно, написав свои воспоминания «Татьянин день», — отметил Липницкий.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ
ТАТЬЯНЫ
ОКУНЕВСКОЙ

Вспоминая свою бабушку Татьяну Окуневскую, Александр Липницкий рассказал, что именно искусство стало той почвой, которая сблизила их. «Мы обменивались книгами. Она познакомила меня со своей антисоветской литературой, и на этой почве в мои школьные годы даже было ЧП. Я дал одну антисоветскую книжку своей подруге. Отец у нее работал в «ящике», и кто-то на него стукнул. В школу приходили из КГБ. Тема стукачества была бабушке очень хорошо знакома. Когда она потом читала в архиве КГБ свое дело, то видела множество доносов, в том числе написанных очень известными в сфере культуры людьми», — отметил Липницкий. Он также рассказал, что по линии Окуневских у его практически не осталось семейных фотографий — все было изъято во время ареста отца Татьяны Окуневской в 1937 году и ее собственного ареста в 1948 году.

После освобождения из лагеря Татьяна Окуневская в своей жизни во многом опиралась на советы известного врача-гомеопата Теодора Липницкого, дедушки Александра Липницкого, благодаря таланту и трудолюбию которого семья выжила в перипетиях XX века. «Она руководствовалась советом, который дедушка дал ей: мои лекарства вам не помогут, а поможет регулярный отъезд в деревню, свежие овощи и фрукты. Следование этому совету помогло ей до старости оставаться бодрой, бегать по выставкам, сниматься», — рассказал Александр Липницкий.

В рамках вечера были продемонстрированы материалы к документальному фильму о Татьяне Окуневской, который снял режиссер Артур Зариковский. Как рассказал сам режиссер, они познакомились с Окуневской на одной из его театральных постановок. «В дальнейшем она увидела мои фильмы с Татьяной Самойловой, Анастасией Цветаевой, и мы за-

теяли эту попытку», — поделился он. Причем съемки фильма изначально были необычными. «Обычно к фильму делается сценарий, а здесь сцены часто снимались спонтанно, без сценария. Татьяна Окуневская, как раньше Анастасия Цветаева, абсолютно не выпендривалась, не корчила из себя что-то выдающееся — она сама была выдающейся», — сказал Зариковский. Среди показанных эпизодов была встреча Татьяны Окуневской с ее сокамерницей по Лубянской тюрьме чешкой Недой. В те годы Неда учила ее, по словам самой Окуневской, «противостоять орденноносной орде». Татьяна Окуневская не видела Неду 50 лет и считала ее расстрелянной. Тем более радостным потрясением стали для нее звонок от Неды и последующая встреча. Другим берущим за душу эпизодом в материалах фильма стало посещение Татьяной Окуневской Бутовского полигона, где были похоронены ее отец и бабушка.

Культурную часть программы, помимо фильма, составили выступления музыкантов Павла Хотина, Веры Сажиной, Германа Виноградова, Галины Босой. Александр Липницкий читал отрывки из «Татьянина дня», посвященные организации в лагере Джезказган, где находилась Окуневская. В перерыве между выступлениями транслировался фильм Михаила Рома «Пышка», ставший для Окуневской дебютом.

Достойным завершением вечера стало выступление группы «Отзвуки Му» совместно с лидером группы «НонАдаптанты» Филиппом Соловьевым.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Татьяна Окуневская.
Фото из архива Госфильмофонда РФ

КАТЫНСКИЙ КАЗУС

9 апреля 2017 года на территории Мемориального комплекса «Катынь» состоялась Марш памяти, в котором принимали участие школьники из польского города Познань и школьники Смоленска. Это уже одиннадцатый Марш памяти и дружбы, который проводит пан Винцент Давойна, председатель общества «Меморамус» (Память), а слово «дружба» появилось по инициативе российской стороны.

У пана Винцента Давойны в 1940 году здесь, в Катынском лесу, органами НКВД был расстрелян отец, а мама и бабушка были высланы в Казахстан, где и погибли...

Катынский лес — это место скорби, место трагедии как для поляков, так и для жертв политических репрессий Смоленской области.

«У меня в Катынском лесу расстреляны и захоронены 7 человек очень близких родственников, в том числе и отец — Казаков (Казакс) Альфред Мартынович. Все молодые и здоровые, и, кроме моего отца, ни у кого из них не осталось детей. Поэтому мы считали своим долгом прежде всего восстанавливать с чистого листа дружбу с молодежью Польши. Какие бы ни были обиды в прошлом у каждой из сторон, суть нашего участия в этом мероприятии сводилась к тому, что мы одной крови, живем все под одним небом, христианской веры, и нам просто необходимо дружить. Какие бы ни сложились ситуации у каждого из вас, помните этот день и это место, и дай бог, чтобы вам никогда не при-

шло бы смотреть друг на друга через прицел винтовки», — говорил пан Винцент Давойна.

В 2010 году вышло постановление Госдумы РФ о Катынском деле, где было четко сказано о том, что лучшим памятником красноармей-

Окончание на с. 5 ➤

На снимке: Винцент Давойна и Лилия Турченкова на Марше памяти. Фото из архива МК «Катынь»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ОТКРЫТКИ
С «ИНТЕРМУЗЕЯ 2017»

XIX Международный фестиваль «Интермузей 2017» проходил в Центральном выставочном зале «Манеж» с 25 по 29 мая. «Интермузей» — это ежегодный фестиваль, который объединяет на одной площадке более 300 музеев из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Фестиваль проводится с 1999 года и стал признанной площадкой для обмена опытом, возможностью для крупных и небольших музеев показать свои достижения, а для гостей фестиваля — познакомиться с ними.

«Международный Мемориал» принимал участие в фестивале. «Ключевой темой фестиваля в 2017 году стал «Музей будущего». Новая оптика и способность к переходу на качественно иной уровень, будущее конкретного участника и будущее музейной сферы в целом. Всем музеям-участникам предложено отразить тему фестиваля в наполнении и оформлении своих стендов в экспозиции», — говорилось в пресс-релизе фестиваля.

На стенде «Мемориала» можно было узнать о действующих проектах, о планах на будущее, а также отправить письмо из архивной коллекции «Мемориала» друзьям или родственникам.

Молодежь привлекала пишущая машинка, можно было попробовать написать послание, представить, как на ней печатали самиздат. Также посетители интересовались поиском репрессированных родственников, проектом «Последний адрес», говорили, что карту Топографии террора «надо знать, иначе Сталин у нас так и останется героем».

«Мы напечатали почтовые открытки, на которых были с одной

стороны картинки и детские письма из нашего архива, а с другой стороны — свободное место для небольшого письма, поле для адреса и для марки. Мы предлагали посетителям нашего стенда написать открытку друзьям и родственникам прямо на нашем стенде. Коллеги отправились на почту, чтобы наклеить марки и отправить открытки Почтой России адресатам. Однако купленные марки вступили в некоторое противоречие с содержанием наших открыток» написали мемориальцы в телеграмм-канале. На марках, который должны были быть наклеены на открытки с копиями писем отцов из лагерей был портрет сотрудника ведомства, занимавшегося арестами в том числе этих самых отцов — марки «Александр Галушкин, особый отдел НКВД по Черноморскому флоту».

На канал в сети Telegram можно подписаться по ссылке на сайте «Топография террора» topos.msk.ru

На снимке: Такие марки можно купить в любом почтовом отделении, — Александр Галушкин, особый отдел НКВД по Черноморскому флоту

➤ Окончание. Начало на с. 4

цам, погибшим в Польше, и польским офицерам, расстрелянным в Катыни, должна стать дружба между польской и российской молодежью. За эти годы с российской стороны в Марше памяти и дружбы принимали участие и кадеты, и школьники, и учащиеся экономической гимназии, и реабилитированные.

Но 9 апреля 2017 года нас всех ожидал неприятный сюрприз – выставка военно-исторического общества «Советско-Польская война, 1919–1921 годы. Судьба красноармейцев в польском плену». Выставка не входила в план работы Мемориального комплекса «Катынь» на 2017 год. Она была устроена в тайне от нашей общественности и от польской стороны. Она просто перечеркивает всю работу, проделанную согласно Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий и постановлению Госдумы РФ по Катынскому делу. Мы возмущены этой выставкой до такой степени, что слов не хватает. Наиболее точно о несоответствии места и времени установки подобного стенда высказался МИД Польши. По их мнению, сведения об узниках в 1919–1921 годах завышены в несколько раз. МИД Польши выразил негодование в связи с тем, что на польском военном кладбище в Катыни возникла информация о красноармейцах, погибших в польском плену в 1920-х годах. Отдельный акцент польские дипломаты сделали на том, что русская сторона предприняла свои дей-

ствия в канун мероприятий, подготовленных по случаю 77-й годовщины Катынского расстрела и 7-й годовщины авиакатастрофы под Смоленском. Возмущение Варшавы вызвало то, что выставка о погибших пленных красноармейцах проводилась на территории Музейного комплекса «Катынь».

26 мая 2017 года состоялось заседание комиссии Смоленской области по восстановлению прав жертв политических репрессий, и я обратилась к власти от имени всех лежащих в земле Катынского леса: «Оставьте кладбище мертвецам, никаких политических разборок здесь проводить нельзя! Если кому-то очень хочется проводить работу вопреки линии концепции по увековечению памяти жертв репрессий, устраивать политические разборки, которые некоторым жить спокойно не дают и будоражат молодые умы, – пожалуйста, но для этого есть Военно-исторический музей, там и разбирайтесь. Это мемориальное место оставьте в покое».

В общем, появление этой выставки на территории Мемориального комплекса «Катынь» требует более детальных расследований, но очень стыдно за власть. МК «Катынь» имеет федеральное значение, и региональная власть должна более чутко относиться к работе комплекса, так как здесь происходит формирование гражданской позиции молодежи.

*Лилия ТУРЧЕНКОВА,
Смоленский «Мемориал»,
МК «Катынь»*

Как свидетельствуют отчеты Красного Креста, рапорты и донесения польских властей, свидетельства Американской ассоциации христианской молодежи и другие документы, условия содержания пленных в лагерях были ужасающими.

Сырые и плохо отапливаемые бараки и полужемлянки, плохое и нерегулярное питание, острая нехватка обуви и одежды, инфекционные болезни, грубое и жестокое обращение с пленными, произвол лагерной администрации – все это привело к гибели десятков тысяч красноармейцев. О точном числе погибших историки спорят до сих пор.

157 000

Всего за 20 месяцев войны в польском плену оказалось около 157 000 красноармейцев.

На Родину после войны вернулось всего 75 000.

ИЗДАНИЕ, КОТОРОЕ ДОЛГО ЖДАЛИ

В этом году Россия отмечает 100-летие российской революции 1917 года, а Тамбовщина – еще и 80-летие образования региона. Но есть и еще одна знаменательная дата, о которой забывать мы не вправе: 80-летие Большого террора в СССР, массовых политических репрессий, от которых пострадали миллионы советских граждан. В Тамбовской области, которая была образована именно в те кровавые дни 1937 года, жертвами политического экстремизма, сталинского произвола, основанного на бредовой идее классовой борьбы, стали десятки тысяч людей, в основном рядовых тружеников. Известно, что к 380 тысячам семей «раскулаченных» и в начале 1930-х годов высланных на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток тамбовских крестьян прибавилось еще около 30 тысяч «врагов народа», списки которых все еще ждут своих исследователей.

Впервые проблемой восстановления исторической справедливости, составлением поименных списков жертв сталинских репрессий в 1990-е годы прошлого столетия занялось Тамбовское городское отделение Всероссийского добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». При поддержке администрации области была создана также группа профессиональных исследователей, которые работали в архиве УФСБ, изучали рассекреченные документы. Группа состояла из архивных работников Тамбовского областного госархива. Ее возглавляли известные, ныне покойные, историки – Л.Г.Протасов (ТГУ им. Державина) и С.А.Есиков (ТГТУ). Однако до середины нулевых годов они успели составить только список из 9400 человек. Затем финансирование проекта прекратилось, работа заглохла, фамилии репрессированных тамбовчан стали «гулять» по интернету, по разным сайтам.

Прошло много лет, но та задуманная тамбовскими мемориальными, историками и архивистами Книга памяти жертв политических репрессий, которую ждали еще в конце 1990-х годов, так и не появилась на свет. В то же время, например, в Смоленской области за государственный счет подобная Книга памяти давно уже издана в 6 томах, в Муромском районе Владимирской области появился уже 14-й том. А наш регион, пострадавший больше других в годы Гражданской войны, в период крестьянского восстания (так

называемой Антоновщины), ощутивший на себе всю жестокость повторных преследований в 1929–1930 годах, потом во время Большого террора и позднее, остался в числе немногих отсталых, где забыли своих обогланных, расстрелянных, замученных земляков... На местах массовых расстрелов вставших тамбовских крестьян и заложников – женщин, стариков и детей, сожженных в 1921 году деревень растет бурьян, на могилах жертв сталинизма 1930-х годов построены гаражи... Ни камня, ни креста...

В августе 2015 года вышло распоряжение Правительства РФ «О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», в котором определялись задачи региональных властей на период до 2019 года. В связи с этим в Тамбове возродилось региональное отделение Российского общества «Мемориал», которое решило завершить начатую 20 лет назад работу по изданию Книги памяти жертв политических репрессий. В феврале текущего, 2017 года книга увидела свет.

17 марта в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. Пушкина прошла презентация нового издания. Первый том «Книги памяти жертв большевистского террора и политических репрессий в Тамбовской области в 1918–1950-е гг.» представил ее редактор, автор предисловия, комментариев и примечаний, известный в регионе журналист и писатель, историк-

краевед и председатель Тамбовского «Мемориала» Андрей Хазиев. Почти год он в одиночку, без государственного финансирования собирал сведения, проверял и исправлял списки репрессированных граждан, за собственные средства готовил их к печати. В результате его труда была издана книга большого формата объемом более 500 страниц, в которой содержатся сведения о 3219 репрессированных жителях десяти территорий области (по алфавиту). Списки по каждому городу и району сопровождаются необходимыми комментариями и разъяснениями, нужные фамилии и населенные пункты можно найти по именному и географическому указателям, в книге имеются ссылки на интернет-ресурсы. К сожалению, денежных средств энтузиаста хватило только на 30 экземпляров, 4 из которых он сразу подарил Пушкинской библиотеке и двум тамбовским государственным архивам – Государственному архиву Тамбовской области (ГАТО) и Государственному архиву социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).

Выступивший на презентации Андрей Хазиев поделился с собравшимися (а их оказалось достаточно много, в зале были не только работники культуры, но и чиновники, политики, ученые, журналисты, краеведы, просто неравнодушные тамбовчане) своими впечатлениями от работы над книгой. «Россия не может стать правовым государством, занять веду-

щую роль в мировом сообществе, быть великой державой, если мы не увековечим память многих миллионов наших сограждан, которые пали жертвой большевистского беззакония. В этом я согласен с постановлением Правительства Российской Федерации, – сказал Андрей Владиславович. – Эту работу надо продолжить, и не только над вторым и последующими томами Книги памяти, но и установить памятные знаки в местах, связанных с гибелью наших земляков, больше рассказывать о терроре и репрессиях 1918–1950-х годов в школах, в вузах. Нельзя допустить возврата к тоталитаризму, к ужасам сталинизма, тем более когда вновь поднимают голову экстремистские силы, растет интерес к большевизму, к нацизму, к радикальному исламу и прочим бредовым и опасным идеологиям и теориям. Работы – непочатый край, и ею должна озаботиться не только общественность, но и власти, в том числе в районах и городах области. Выпущенная Тамбовским «Мемориалом» книга – не образец, но пример того, что можно сделать на общественных началах, даже за скудные собственные деньги. Пусть теперь Книгой памяти займутся другие, более профессиональные историки, целый коллектив, а не одиночка, пусть они при помощи государства, регионального бюджета, спонсоров издадут следующие тома, более совершенные. Если надо будет, я помогу, но

один больше работать не смогу – у меня, как у писателя, много других творческих планов, хочу продолжить писать на военно-патриотическую тему, о тамбовских героях войн. Я выполнил свой общественный и гражданский долг, теперь надо потрудиться и другим».

Презентация Книги памяти стала началом трудного пути, который ей предстоит преодолеть, чтобы попасть к своим читателям – внукам тех, кого уже не вернуть, кто сгинул в тюремных застенках, в лагерях ОГПУ–НКВД, кто после лагерных мучений в составе штрафбатов сложил свои головы на полях Великой Отечественной войны, умер в рядах «трудовых армий», о ком не было известно ничего. К сожалению, в ряде территорий муниципалитеты не поняли значения книги. Но уже есть понимание со стороны областных властей: при поддержке председателя Тамбовской областной Думы, историка по образованию Е.А.Матушкина к работе по продвижению Книги памяти к читателям включились районные и городские газеты. А руководитель Тамбовского «Мемориала» Андрей Хазиев, несмотря на свои заявления, потихоньку приступил к подготовке второго тома Книги памяти.

*Андрей РУЛИК,
Тамбов*

На снимке: Андрей Хазиев представляет Книгу памяти Тамбовщины. Фото автора

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

«Время идет, многое уже перепроверить или найти не просто. Вместе с годами уходит и память о людях, а хотелось бы ее сохранить. Просто не хочется, чтобы это забылось. У нас сидели многие интересные люди, но мой интерес был больше к обычным людям. О знаменитостях всегда есть кому написать, а об обычных людях — их были миллионы! — память должна тоже сохраняться», — считает Екатерина Кузнецова, казахстанский автор исследования о преподавателе электротехники Николае Ченцове.

В Карагандинском политехническом (ныне Карагандинский государственный технический университет) Николая Гавриловича Ченцова помнят. Да-да, как же, электротехнику читал где-то в конце (или в середине?) 1950-х, может, чуть позже, такой немногословный, сухощавый, высокий, прямой, совершенно седой, какой-то «посторонний», «не свой», словно из другого мира, из другого времени.

Его с удивлением и с каким-то поздним прозрением, что ли, вспоминают бывшие студенты, теперь уже сами чьи-то дедушки и бабушки: лекции, говорят, читал тихим голосом, будто сам с собой разговаривал. Чем занималась аудитория, как-то совсем не интересовался. Слушали его, само собой, неважно, шумели. А он этого и не замечал, внимания не обращал никак. Что запомнилось? Тайна в нем была какая-то, что ли. Закрытый был человек. Непонятный. Но иногда вдруг увлеклся, говорил и говорил, и голос у него откуда-то брался, крепчал, и тогда с ним даже интересно бывало. Особенно когда рассказывал про свои походы и поездки по стране.

Он такой путешественник был, каждое лето отправлялся в новые края — бродил по СССР, ездил. Словно вспоминал что-то. Искал... Про горы, пустыни рассказывал — заслушаешься... Фотографировал много. Какие-то все виды природы. Да вот остались его снимки, сами посмотрите.

Смотрю. Ни на одном из снимков — ни одного человека. Одинокая березка. Одинокий кипарис. Сосна на вершине... Все — одиночество. Только одиночество.

Да, был необычным этот Ченцов, на других не похожим. Не как все, словом. Интеллигентный очень, что ли, для лета и времени, в котором жил. И им, тогдашним студентам, казался иногда глубоким стариком. А стариком он и не был.

Звоню в Питер приятелю давнишнему, земляку-карагандинцу, местному краеведу Юрию Попову, который историей Караганды и карагандинцев занимается уже более чем полвека. Да какое там «полвека», целую жизнь! В Петербург Попов перебрался лет 8 назад. Спрашиваю: Ченцова помните? А как же! В моей книжке про Чижевского прочти — там про Ченцова есть.

Читаю: «Инженер-электромеханик. В 1947 году в Карлаге (Долинке) инженер Долинской электростанции. Занимался математической обработкой результатов наблюдений научной работы «Геометрия крови», которую вел Чижевский. После освобождения из Карлага Ченцов участвовал в строительстве трамвайной линии в Караганде по маршруту Новый город — Старый город. В 1958—1960 годах преподавал на кафедре общей электротехники в Карагандинском политехническом институте. На своих лекциях о знакомстве с ученым Чижевским не распространялся...»

А областное управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан выдало на мой запрос справку: «Ченцов Николай Гаврилович, 1895 г. рождения, уроженец Одессы, русский, социальное положение из рабочих, гражданин СССР, образование высшее, беспартийный, по специальности инженер-электрик, до ареста проживавший в Орджоникидзе, 8 августа 1942 года осужден Верховным судом СО АССР по ст. 58-10 ч.2 к лишению свободы в ИТЛ сроком на 7 лет, с поражением в правах на 3 года. Начало срока 28 апреля 1942 года.

Меру наказания отбывал в Карлаге МВД СССР. 28 января 1949 года убыл в Бутырскую тюрьму г. Москвы, оттуда снова прибыл в Карлаг 2 апреля 1949 года. 28 апреля 1949 года по истечении срока на-

казания из мест заключения освобожден и убыл в Ленинский район Карагандинской области».

Сначала посадили — в апреле, держали в тюрьме, а осудили — в августе. Срок — со дня ареста. Перед концом срока в Москву таскали, в Бутырку. Потом назад в лагерь привезли... Такая биография.

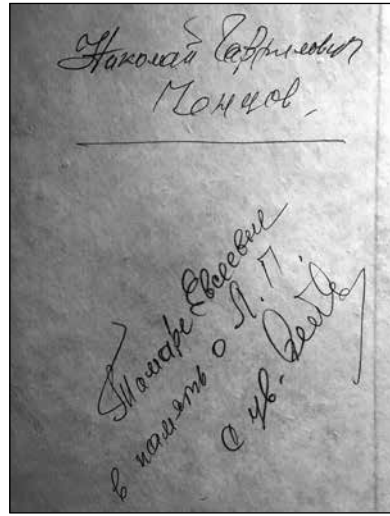
У Попова про арест — ни слова. «В Долинке работал...» Не работал — сидел. Заключенным был сталинским, «врагом народа», 58-й статьей меченым.

Дореволюционный человек был, а значит, и впрямь — другой. Я среди таких людей выросла — за границей. Знаю — совсем другие люди. Особые и особенные. Какой-то внутренней чистотой освещенные, даже наивные чуть, словно так и не повзрослевшие дети. А на родине — по возвращении — советской властью окровавленные. Я еще в детстве это все — разницу эту — заметила, но поняла много позже. Куда как позже, чем могла бы...

Но я — о Ченцове. В справке из Комитета по правовой статистике запнулась о перемещение из лагеря в Бутырку и обратно в том же 1949-м. Зачем на месяц с небольшим таскали из Карлага в Москву, в Бутырку? Теперь не доискаться, а хотелось бы...

У Попова, кстати, ошибка вышла — с Чижевским Ченцов не работал, геометрией крови занимался в «шарашке» Чижевского (в Спасском отделении Степлага) не Ченцов — Тихонов Павел Гаврилович, математик, тоже сиделец сталинский, прошедший ужас Тайшетских концлагерей. Тоже человек «не оттуда», тоже «с другой планеты», не из того времени. Тоже внутренне не сломленный. Стойкий и чистый. Ну да это для нашей истории сейчас не важно.

Главное, задержался в памяти многих людей сухощавый седой немногословный, сдержанный человек без очков — Николай Гаврилович Ченцов. Запомните это имя. Оно — не случайное. Как и человек на этой кровавой карагандинской земле... По освобождению из лагеря и реабилитации так в Караганде до конца дней и прожил. И еще трамвай был в его карагандинской биографии...

ПУШКИН

К чему я вспомнила про Ченцова?

К тому, что судьба подарила мне встречу с этим удивительным, необычным человеком недавно, более чем через полвека после того, как не стало его на карагандинской земле — самого человека не стало, а след остался. Нетленный, думаю.

ПУШКИН КАК ПРОЗРЕНИЕ...

С обложки конторской книги, амбарной, как принято такие называть по старинке — страницы из плохой, толстой и желтой бумаги словно иссушены временем, — смотрит мимо меня куда-то в неведомую даль вдохновенный Пушкин, репродукция с работы Кипренского. Репродукция известного портрета вырезана из старого «Огонька», приклеена тщательно, с любовью. Пушкин...

Целая жизнь разделяет нас — меня и автора, того, кто на толстой, плохо выделанной бумаге старой конторской книги каллиграфически (сразу видно руку не то художника, не то инженера, так филологи не сумеют!) вывел «А.С.Пушкин» и эпиграф: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет».

Целая длинная-длинная жизнь. Больше чем полвека...

Биографическая поэма о Пушкине написана сталинским заключенным, карлаговским ээком политическим, осужденным по уголовной 58-й (какой же еще, как не уголовной, могла быть эта «вражья», а по сути своей политическая, статья?) статье УК РСФСР к семи годам страданий в концлагере и трем — последующего поражения в правах.

Написана явно тайком от вертухаев и всевидящих «особистов» в те самые суровые и голодные лагерные годы. Написана, думаю, во время ночных дежурств на известной лагерной «электростанции» в Долинке, которую называли в те года попросту «электростанцией». На той самой, где круглосуточно трудилась, доживая свой последний срок, старая динамомашинка, над которой по-прежнему колдовали ээки разных (и не последних зачастую!) сроков — электрики, кочегары, все как один «враги народа», понятное дело.

Написана поэма для себя. А может, для нас, сегодняшних, тех, которым открылась та страшная, стыдная, горькая правда о стра-

Продолжение на с. 7

МУЗЕЙ В КАРЛАГЕ

С 1997 года 1 мая отмечается в Казахстане как День памяти жертв политических репрессий и голода. С 1937 года в Казахстане работало 953 лагеря и поселения, среди которых был АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) и Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь). Судьбы «обитателей» и жизнь лагерей не до конца изучены. О том, что в лагере были своя пресса и свой музей, пишет исследователь истории Карлага Юрий Попов.

Среди зарубежных историков, исследующих историю СССР, и в частности ГУЛАГ, можно отметить немецкого ученого Владислава Хеделера, автора серьезных трудов, основанных на архивных данных. Его книги издаются как на немецком¹, так и на русском языке². Он первым обратился к теме лагерного музея, что заставило научное сообщество вплотную заняться миром арестантских артефактов.

Совершенно неожиданной находкой стала подшивка карлаговской газеты «Путевка». В наиболее полной библиографической справочной работе А.Ю.Горчевой, посвященной газетам ГУЛАГа³, упоминается только карлаговское издание «За социалистическое животноводство» (1940—1952). Владислав Хеделер возвратил историкам неизвестные страницы «Путевки». В переводе Александра Ваглина они частично были опубликованы в журнале «Родина»⁴.

Управление Карлага располагалось в селении Долинка, основанном в 1909 году немецкими переселенцами из Поволжья. В рамках исследовательского проекта, посвященного истории Карлага, Хеделеру удалось изучить подшивку газеты «Путевка» за 1932—

1936 годы. Он пишет: «Наряду с газетой в лагере существовал еще и музей, рассказывающий о процессе перековки новых людей. Председатель комиссии по написанию истории Карлага подчеркивал свой интерес к информации об ударниках, о примерах коллективного труда и успешного перевоспитания рецидивистов». Сколько уголовников удалось вернуть к нормальной жизни? Данных нет. Поражает другое: лагерное начальство решило взяться за изучение своей огромной территории (700 на 300 км).

МУЗЕЙ ТЕРРИТОРИИ ИТЛ

Начальник Карагандинского исправительно-трудового лагеря О.Г.Линин в марте 1935 года издал приказ № 84. Приказ гласил: «Для успешного и четкого выполнения приказа об организации общелагерного музея, ставящего целью выявление результатов работы лагеря по переделке природы и перековке человека, временно для подготовки музея организовать под руководством заведующего музеем з/к А.Ф.Палашенкова проведение работ по оформлению музейной экспонатуры».

Андрей Федорович Палашенков (1886—1971) во времена СССР прославился как патриот Западной Сибири. Он с 1943 по 1957 год возглавлял Омский краеведческий музей. В Карлаг Палашенков попал как музейный работник Смоленщины, где 25 марта 1934 года тройкой ОГПУ он был осужден на 3 года. Однако он отбыл только 2 года — за создание музея Линин сократил ему срок. А.Ф.Палашенков сумел за очень короткое время составить методику работы историко-краеведческого музея и собрать необходимые исторические и географические документы. Музей стал гордостью карлаговского руководства, а с образованием Карагандинской области и обкома партии его оценили во время экскурсии 15 ноября 1936 года 150 членов облисполкома. В музее отметились и многие лица республиканского уровня во главе с Л.И.Мирзояном. Интерес к музею проявили операторы «Союзкинохроники», а «Казахстанская правда» 21 июня 1937 года сообщила:

«Близ Караганды в селе Долинском расположен краеведческий музей. Он с каждым годом пополняется разнообразнейшими экспо-

натами, наглядно показывающими богатства области, ее фауну, флору и т.д.

В витринах под стеклом сложные образцы ценных ископаемых. Здесь золотоносная, свинцовая и медная руда, яшма, диорит, дымчатый хрусталь.

Большой интерес представляют экспонаты из быта казахского народа. Имеется набор металлических, костяных и других украшений, окованные серебром поясные украшения, седла с дорогой отделкой, извлеченные из старых могил. Вывешены интересные копии исторических документов. Среди них копия договора, по которому в прошлом веке казахскими баями был продан русским купцам Карагандинский угольный бассейн за 250 рублей».

Музей в Долинке превратился в серьезное научно-культурно-просветительское учреждение из девяти экспозиций. 3 из них — «Растениеводство», «Агрохимия» и «Животноводство» — представляли работы ученых Карлага⁵.

Данных об именах передовиков производства и достижениях ученых в части выведения новых сортов зерновых и продуктивных пород скота пока не нашлось, но известно, что ударников и отдельные бригады награждали «За большие успехи» красными грамотами почта 1-й, 2-й и 3-й степеней.

На территории Карагандинской области в 1937 году музей в Долинке был единственным: Технический

Окончание на с. 7

➤ Продолжение. Начало на с. 6

не, об общей нашей, одной на всех стране, которая была, которой теперь нет, но которая еще живет и долго будет жить в памяти и сознании многих будущих поколений? Для тех, кому доверено прочесть и понять — о ком и о чем в поэме не написано?

Представьте только на минуту: ночное дежурство, лагерь за стеной спит тревожным сном под резким белым светом сторожевых фонарей и не спящими дулами автоматов охраны... Фиолетовые чернила, ручка с «восемьдесят шестым» перышком, желтая толстая бумага. И Пушкин... Неслышно и легко дыханье

И стихи — о Пушкине, который же «наше все». Об этом даже вертухай осведомлены, хоть и с грамотешкой у них очень слабовато, но ведь — Пушкин же!

Строка ложится за строкой под эзковским пером: «Когда несчастную отчизну пятнает праведная кровь, когда под гнетом миллионы, когда насилие и позор, куда не брошишь только взор, и вместе — рабское молчанье... «Томся под царскою пятою, во дни господства светлой тьмы... «У нас в стране долго-терпенья, когда царил в ней гнет и мрак, никто без власти разрешения не мог вступить в законный брак...» «У нас в России нет закона, а только лишь одни столбы, на них бездуш-

самые полгода перенесла немало мук. Все дни — гнуснейшие допросы, иезуитские вопросы, а в продолжение ночей нередко пытка палачей. И в результате за идею одним велели снять мундир, других — на каторгу — в Сибирь. Отнесся с чувством неприязни к царю российскому весь мир, когда узнал о смертной казни и ссылке массовой в Сибирь...» «Могила дань свою берет, все больше тает наш народ, рвет и ширится кладбища, по мнению власти лишь один заразу сдержит карантин».

Да о чем это? «Карантин» — это ли не необъятная закованная лагерная империя по имени ГУЛАГ? «Историй нет у бунтарей, она бы-

А Ченцов? Ченцов биографию любимого своего Пушкина знал так, как в советской школе ее нам никогда и не преподавали. Мы-то все о вольнолюбивой лирике, о «нелюбви» поэта к царю на уроках, помнится, мякину идеологическую жевали...

Сегодня только очень уж литературно глухой человек истинного смысла, нам с вами, как послание из глубины лагерного прошлого адресованного, не расслышит: «Мне жить на свете нету силы в такой счастливейшей стране».

«...Когда пошли в стране волнения, то тут не может быть сомнения, что ей нанес немало ран ее бесовский тиран. Но вам, доверчивые души, не знать, казалось бы, нельзя, что и у стен бывают уши. И ястребиные глаза».

«И Пушкин в землю так и врос: наверно, вызов на допрос. Теперь тебе грозит Сибирь. Иль Соловецкий монастырь...» А Соловки-то, как концлагерь для «перевоспитания» (читай — уничтожения) интеллигенции, куда как позже пушкинских благословенных времен явились в истории возлюбленного отечества... «Среди цветущих нив и гор — везде невежество, позор поэт невольно замечает, и всюду стон, и всюду плач, как будто здесь ходил палач...»

«И знаю, друг, ни от чего никто из нас не застрахован, зато мы все застрашены, и все к молчанию принуждены».

Можно цитировать поэму без конца. И без того, думаю, сегодняшнему читателю ясно, что, написанная мастерски эзоповым языком, рассказывает она нам вовсе не о Пушкине — о том страшном, кровавом времени, когда люди на 1/6 части света «навек застрашены и к молчанию принуждены».

Однако не всякое молчанье молчит... А насчет страха — здесь не спорить.

ПУШКИН КАК ПОСЛАНИЕ...

Старая конторская книга с портретом Пушкина на обложке попала ко мне через третьи руки. Более полувек шла она ко мне, кто-то сохранял, выходит, берег. Зачем? Надеялся? Ждал? Если ждал — то чего?

Тяну нитку, как в сказке, к началу, наматываю клубок — кто сохранил, сберег, передал?

И вдруг — номер телефона. Совсем не старческий голос: да, готов увидеться. Отчего же нет? Рассказать могу об авторе. Да только ли?

А если — вообще? А если вообще — в пределах присяги. Смеется.

Человек не случайный. И не маленкий. С положением: бывший заместитель командира конвойной дивизии Карлага, подполковник, тогда — майор НКВД. Теперь за восемьдесят. Болезни. Уколы, клизмы, капельницы. А потому он для читателя пусть будет просто Н. Жизни-то осталось не много...

О Николае Гавриловиче Ченцове говорит охотно — как же, близко знал, даже по соседству жили и, можно сказать, дружили семьями — жены-учительницы вместе работали, в одной школе. Когда? Да давненько, в конце 1950-х.

Тетрадку эту про Пушкина бывшему главному вертухаю якобы сам Ченцов и отдал — «переписать на белом». Они (мой собеседник, тогдашний майор НКВД, но уже давно в отставке, с женой — директором школы) вдвоем, по его словам, и трудились, переписывали.

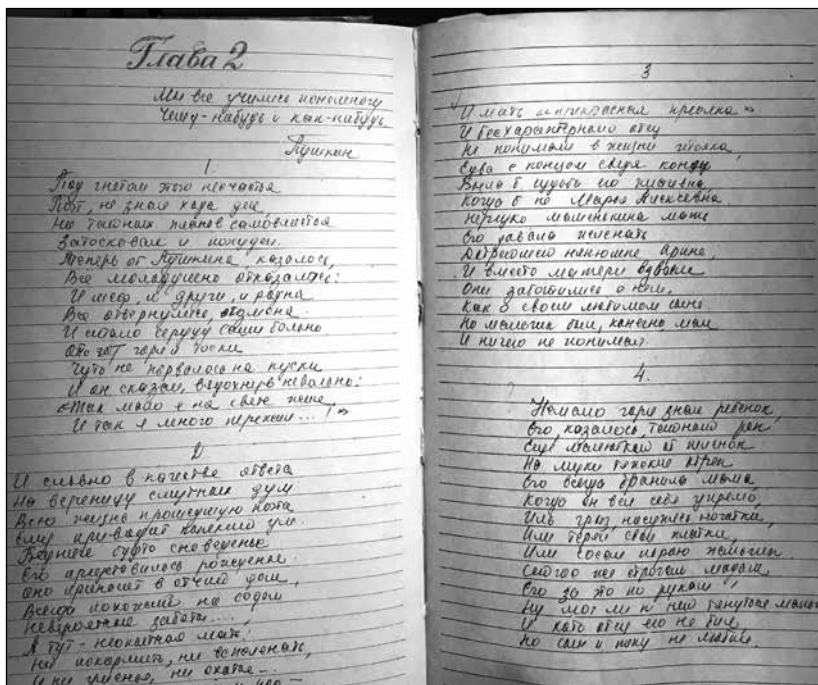
Я, честно сказать, верю в это плохо, а если честно — так и совсем не верю, но — не спорю. Слушаю. Тетрадку-то, то есть книгу амбарную, уже всю прочла — от строки до строки. Вся написана одной рукой. Иногда чернилами. Иногда карандашом. Иногда простым, иногда химическим. Исписаны не все страницы подряд. Кое-где пропуск 2-3 листа. Написано то аккуратно, то наспех. Автор (да переписчик ли?) явно торопился. И с чего бы? Время — то уже другое было...

А автор (не переписчик же!) вдруг оставлял чистыми сразу два листа подряд — переворачивал (думаю, это если кто-то вдруг на электротрозел лагерный входил невзначай, тогда и закрывал автор написанное чистой страницей от нежелательного глаза). Дома, за хорошим столом, под уют-

Окончание на с. 8 ➤

На снимках: Титульная страница, обложка и разворот с рукописными стихами Николая Ченцова. Фото Дарьи Виоловой

КАК ЗЕРКАЛО...

пушкинской строки, серебряным звоном звенят в памяти пушкинские строфы... А если вдруг обыск, «шмон», а тут тетрадка со стихами? Но с обложки — светлоглазый вдохновенный образ.

ная корона и всюду — жалкие рабы. Так думал Пушкин о России, о бедной каторжной стране...» Да один ли Пушкин?..

«А между тем друзья народа от высочайших царских рук за те же

вает у царей». Строка — как кинжал. Попадает в самое сердце. Заставляет остановиться. Перевести дух. Задуматься. Не перелистывать страницу...

«Особиста» строка эта не задержит — да он до нее вряд ли дочитается: поэма-то «про Пушкина», и какой же тут может быть подвох? Да и стихов «особисты», думается, не читывали еще со школьной скамьи, если она у кого и была длинной.

Вспомнилось к месту, как Светлана Владимировна Ваганова, филолог, после окончания Свердловского университета направление на работу отработывая в Долинке, в средней школе учительницей русского языка и литературы, рассказывала, что когда в тамошней, но уже вечерней, средней школе в 1950-х годах (тогда в «вечерке» офицеры из лагерного надзора учились, у них образованнее было еще довоенное — не более шести-семи классов, большего-то почти ни у кого в биографии и не наскребалось) читала на уроке стихи Пушкина наизусть, от изумления великообразные звезднообразные ученики замирали. Замирали не от Пушкина, куда там! — от удивления, как это можно стихи наизусть выучить!

➤ Окончание. Начало на с. 6

музей в Караганде из-за отсутствия помещения складировали до лучших времен; на открытие музея в городке Каркаралинске не было средств.

Вот имена шести заключенных, помощников А.Ф.Палашенкова. Среди них 2 немца: художник Р.Г.Флеминг и фотограф Р.И.Пауль, живописец и график П.И.Нерадовский (1875—1962), прославленный нумизматист Г.И.Спаский (1904—1990), а также П.С.Каменский и Е.М.Сыров. Их тоже освободили до конца срока⁶.

ПАВЕЛ БОГОСЛОВСКИЙ

После отъезда Палашенкова «Музей полупустынной и степной

части Центрального Казахстана» возглавил профессор Павел Степанович Богословский (1890—1966). Неудобный для власти ученый прибыл в Караганду в 1935 году как осужденный на 5 лет контрреволюционер. Досье столичной персоны изобиловало яркими делами в части краеведения, музееведения, этнографии и фольклористики.

Павел Степанович был сыном священника Пермской губернии, окончил Духовную семинарию, затем историко-филологический факультет Петербургского университета и Петербургский археологический институт. Впоследствии он преподавал в Пермском университете, руководил Пермским научным музеем и Пермским губернским архивом. В 1929 году

Богословский стал известен как активный участник российского краеведческого движения, действительный член Российского географического общества. С 1932 года он был сотрудником Центрального научно-исследовательского института методов краеведческой работы и Центрального бюро краеведения. Свой срок в Караганде он отбыл полностью — вначале как директор музея, потом как метеоролог.

С 1940 по 1946 год Богословский жил в Караганде, был заведующим кафедрой языка и литературы в местном Учительском институте. Потом вернулся в Пермь, а оттуда в Москву. Он — автор 150 научных работ. Его богатейший архив на предмет изучения его карагановских музейных забот еще никем не тронут.

МУЗЕЙНЫЕ РАБОТНИКИ

До войны Карагандинский лагерь располагал значительным количеством заключенных, способных проявить себя в сборе наследия для музея. Среди них «чистые музееведы» Д.Т.Янович (1879—1940), А.С.Бежкович (1892—1977) и К.Э.Гриневич (1891—1971), историк В.А.Романовский (1890—1971), природовед по созданию заповедников Б.К.Фортунатов (1886—1943), библиофил Н.Н.Орлов (1898—1965), представители ленинградской школы художников В.В.Стерлигов (1904—1973), П.И.Соколов (1892—1937), В.М.Ермолаева (1893—1937) и другие. Возможно, что и они привлекались к разработке музейных проектов.

ОТТО ЛИНИН

Несколько слов о начальнике Карлага, почетном чекисте, старшем лейтенанте ГБ, латыше Отто Георгиевиче Линине (1895—1962). «Музейные забавы» и досрочные освобождения заключенных ему скоро припомнили. 29 декабря 1938 года «за развал работы и вредительство» Линин был снят с работы, 19 февраля 1939 года арестован, но 29 декабря 1940 года оправдан. Музей прекратил свое действие в границах определенного культурного пространства. Часть выставочных экспонатов передали в создаваемый Карагандинский областной историко-краеведческий музей, оставшиеся предметы стали достоянием Сельскохозяйственной опытной станции.

ГАЗЕТА «ПУТЕВКА»

Вернемся к подшивкам газеты «Путевка». В первый год издания (1932) вышло 28 номеров газеты, но ни один из них, к сожалению, не сохранился в архиве Карлага.

С 10 января по 6 декабря 1933 года в свет вышли 50 номеров, в 1934 году — 78. За 3 года в «Путевке» было опубликовано 3300 статей более чем 1200 авторов. При изучении старых номеров «Путевки» могут открыться имена ряда знаменитостей, оказавшихся в тот период на территории Карлага в качестве арестантов, вольнонаемных или проезжих ученых. Обязательно проявятся и дела музейных работников.

Тираж газеты «Путевка» достигал 5900 экземпляров и расходился

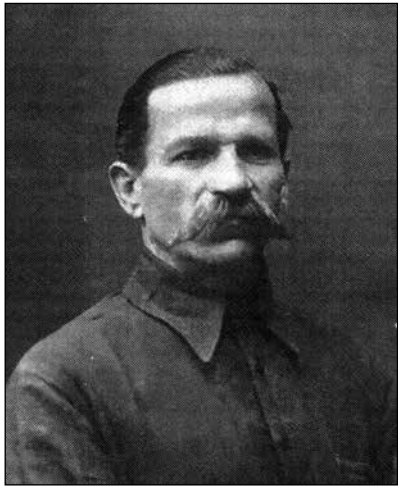
по обширной территории. Неясно, какие персоналии украшали газетные страницы. Упоминались ли имена полеводов, садоводов и животноводов, которые популярны сегодня, как талантливые ученые? Кто были авторы многочисленных рисунков на тему труда, портретов лагерных ударников? При редакции работала комиссия по написанию истории Карлага⁷. Возможно, на страницах «Путевки» назывались ответственные исполнители, однако В. Хеделер в своем обзоре их не упоминает. И все же голоса далеких корреспондентов прозвучали — это Лавринович, Полишук, Марков, Кривенцов, Асбель, Козлов, Куланбаев, Дубов, Грачев, Егоров.

Юрий ПОПОВ, Санкт-Петербург

На снимках: Главный корпус музея Карлага и архивный номер газеты «Путевка».

Фото из архива Музея Карлага и автора

1. Hedeler W. (Hrsg.) KARLAG. Das Karagandinsker Besserungsarbeitslager 1930—1959. Dokumente zur Geschichte des Lagers, seiner Häftlinge und Bewacher. Paderborn, 2007; Hedeler W., Stark M. Das Grab in der Steppe. Leben im GULAG. Die Geschichte eines sowjetischen «Besserungsarbeitslagers» 1930—1959. Paderborn, 2007; Hedeler W. Die Ökonomie des Terrors. Zur Organisationsgeschichte des Gulag 1939—1960. Hannover, 2010.
2. Хеделер В., Дишц Ш. 1940 — счастливый год Сталина. — М., 2011. — 207 с.
3. Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа: 1918—1955. — М., 1996; 2-е изд. М., 2009. — 223 с.
4. Хеделер В. Как в ГУЛАГе воспитывали нового человека // Родина — 2011, № 1. С. 131—132.
5. Галин С. Музей в Долинке // Социалистическая Караганда. — 1937, 22 июня.
6. Ремизов А.В. Омское краеведение 1930—1960 годов. Очерк истории. Часть 2. — Омск, 1998. — С. 9.
7. Материалы к очеркам по истории Карлага. Долина. 1934. Рукопись. История сталинского ГУЛАГа. 2004. Т. 7. С. 134—135.

НОВАЯ КНИГА ТУЛЬСКОГО «МЕМОРИАЛА»

В апреле Тульский «Мемориал» представил книгу Магдалины Буркиной «Неспокойная моя душа...». Это дневник фронтовички-переводчицы, дочери репрессированного отца, который она вела во время и после войны. Его хранила и подготовила к печати младшая сестра Магдалины Буркиной, член Тульского «Мемориала» Алла Щеглова.

Старшая сестра, сама еще девочка, принесла на своих руках из роддома младшую 30 мая 1938 года. Младшая сестра через 39 лет приняла последнее дыхание старшей, и были связаны они нерасторжимой связью все эти годы. Теперь младшая осталась одна — а связь не прерывается.

Книга «Неспокойная моя душа...» — дневник, который вела старшая сестра с 1937 по 1970 год, не прерывая записей даже во фронтовой землянке, выкраивая минуты по окончании допросов военнопленных, которые она вела как переводчица. Чудо — ни разу не засекли, чудо — записи не потерялись, ведь уже и после смерти автора прошло 40 лет(!); и еще чудо, что устремления хранительницы этих пяти уникальных общих тетрадей и людей, взявшихся за их издание, срослись. Тогда-то и родилась книга «Неспокойная моя душа...». Для ее издания потрудились журналист, историк, ведущий специалист Тульского военно-исторического музея А.Г.Белов и заведующая музеем И.Н.Авдюшкина.

Теперь о главном, вернее — о главных. Старшая сестра — Магдалина Михайловна Буркина, доцент кафедры литературы Тульского педагогического института им. Л.Н.Толстого. Младшая ее сестра, пусть и не прямого рода, — Алла Николаевна Щеглова, учитель химии, отличник народного просвещения РСФСР и СССР. Магдалина — дочь репрессированного и сгинувшего в ГУЛАГе Михаила Васильевича Буркина, Алла — его племянница, член Тульского «Мемориала».

В дневнике Магдалины нет пространственных записей о переживаниях в связи с арестом отца и его пребыванием в ГУЛАГе. Лишь в самые трудные моменты прорывается: вот

если бы рядом был отец... И еще сохранился черновик письма, адресованного «И.В.» (инициалы, судя по содержанию, не представляются загадкой, — Иосиф Виссарионович). «И.В.!

Обратиться к Вам меня заставила самая последняя крайность, и я прошу меня извинить за отнятое у Вас время.

В конце мая я приехала из Германии, демобилизовавшись из РККА, где я служила с 1943 г. в качестве военного переводчика. На фронт меня послал комсомол в 1943 г., когда я училась на 4 курсе Тульского государственного пединститута.

Еще в школе я мечтала об университете. Попытка поступить в университет после школы в 1940 г. оказалась тщетной, т.к. я не имела жилплощади в Москве, а общежитием университет не располагал. Я поступила в Тульский педагогический институт. Но мысль об университете никогда не оставляла меня. Свою мечту я пронесла через все бои в Белоруссии, Польше, Германии. Каждую свободную минутку я готовила себя к предстоящей учебе, с 1944 г. начала изучать английский язык, занимаясь в Московском заочном институте иностранных языков.

Правительство пять раз отменило меня наградами. Теперь, казалось мне, я достигла цели, но я ошиблась. И причина в том, что мне негде жить. Во время войны я потеряла все: семью, квартиру, имущество. Мне вообще негде жить.

Но ничто не может отнять у меня желания отдать свои силы и способности моему народу. А для этого нужны знания. Поэтому дайте мне возможность учиться! Помогите мне осуществить мою мечту — университет!

Буркина».

Не странно ли, что эти люди, репрессированные и их дети,

виноватые-то без вины, еще считают своим долгом смыть свою несуществующую вину, если потребуются, то и собственной кровью. Этот мотив — смыть вину — не раз сквозит в дневниках Магдалины. Пройдут годы, и прорвутся в дневнике ее такие строки...

«8.03.54 г. Эти дни марта — тоска. Вспоминается прошлый год. И почему ничего не сказали о нем? Даже не было торжественно-траурного заседания. Непонятно и очень обидно! Народ не может не любить его и не чувствовать к нему величайшей признательности. Это надо было сделать для народа.

1.12.1954 г. ...Думы о будущем. Пятно биографии — преграда в собственном стремлении честно служить Родине на самых трудных и опасных участках.

Надо оставить мысль о подвиге. А почему? Как доказать, что ты не подлец?..

...Отец невиновен!!!
Надо ли подробно обо всем? Надо. Отбор будет потом.

7.03.1956 г. «Когда идола низвергают с пьедестала», — пожалуй, так очень лаконично можно определить то, что происходит в последнее время. Сейчас, не зная еще никаких подробностей, трудно определить свое отношение к происходящему. Это, пожалуй, горечь и недоумение.

Ясно одно: идола низвергают с пьедестала.

17.03.1956 г. Всю свою сознательную жизнь я верила в того, кто убил моего отца. 18 лет я искала ответ на мучивший меня вопрос и, наконец, получила его. Однако от такого жизненного опыта человек седеет.

Вчера я узнала, что значит, когда возвращаются мертвые и когда умирают еще раз после смерти».

У Магдалины Михайловны зрел замесел написать обо всем в художественной прозе. «Правда — на

стороне отца. 1937 мог бы поколебать самое сокровенное. Много ударов в связи с этим потом — тяжелое испытание. Только мужественное сердце, принявшее правду отца-коммуниста, хотя на минуту и дрогнуло, но сумело не сдаться. Вся жизнь — подтверждение торжества этой правды. Но какой ценой? Разгадка только в 50-х годах, слишком поздно. Или иначе? Трагедийности в конце — не надо».

Михаил Васильевич Буркин был реабилитирован 1 сентября 1958 года. Не довелось ему узнать, как, преодолевая препоны, его дочь блестяще закончила московский ВУЗ, отлично защитила диссертацию, стала уникальным тонким исследователем творчества Л.Н.Толстого, любимым преподавателем студентов педагогического институт имени Л.Н.Толстого...

Война — не женское дело. Незадолго до смерти Буркина получила маленькую «хрущевку» в окраинном районе города, превратила ее, по сути, в творческую лабораторию, куда дверь была открыта и для студентов, и для аспирантов. Последнее время

подолгу лежала в Яснополянской больнице, и палата стала филиалом ее рабочего кабинета, а младшая сестра Алла стала курьером между больницей, издательством и кафедрой, доставляя гранки, правку, верстку... Машинописные работы выполняла мама Аллы, Ангелина Алексеевна. Шел уже 1973 год. Старшей сестре было отпущено еще 4 года...

Как бесценный дар берегла Алла дневник Магдалины, больше всего переживая о том, не остался бы он втуне... И вот в начале апреля 2017 года в Тульской библиотеке им. Л.Н.Толстого состоялось представление книжной новинки членом Тульского «Мемориала», бывшим коллегой и студентом Магдалины Михайловны Буркиной.

Надежда ТЮЛЕНЕВА,
Тульский «Мемориал»

На снимках: Буркин Михаил Васильевич. В руках Аллы Щегловой, — портрет Магдалины Буркиной, дочери репрессированного. Фото автора

ПУШКИН КАК ЗЕРКАЛО...

➤ Окончание. Начало на с. 6, 7

ным абажуром, думаю, так не пишут. Да и двое с высшим образованием — бывший политехник Ченцов с женой-учительницей — вряд ли дадут вчерашнему вертухаю что-то «переписывать». Да и даже если... Так — не переписывают. В 1950-х? И на такой бумаге? И в такой амбарной книге?..

А собеседник мой уверяет — стихи эти якобы отсылал самому Солоухину, просил напечатать где-нибудь, да Солоухин не ответил. Вот и филологи читали — без внимания, отмолчались и назад вернули.

Слушаю. Не перебиваю. Не спорю. Не за этим пришла. Пришла узнать про Ченцова — по крохам собираю, кто что вспомнит. О знакомом и таком мне понятном непонятном Ченцове. Кстати, милейший, вспоминает собеседник, был человек. Интеллигентный. Говорят, чуть ли не белогвардейский офицер в прошлом, но, честно сказать, не вникал. Статья у него была, кажется, 58-11. По доносу, говорят, си-

дел, да, 10 лет, вроде того, что ли. Иностранные языки хорошо знал...

Многое вспомнилось моему собеседнику о Ченцове. После лагеря Ченцов этот в трамвайном управлении работал, потом в политехническом что-то там преподавал. Как-то само собой вышло, что подружились семьями... Само собой, кто бы сомневался!

Я вопросов не задаю. Я стихи прочитала.

Каков он был, загадочный этот Ченцов, так блестяще знавший не только свою электротехнику, но и русскую словесность? Стихи сочинял, по стране ездил. Лагерной баланды хлебнул сполна. С конвойным начальником даже «дружбу» свел после отсидки. Поэму свою удивительную ему, вертухаю главному, «переписать» доверил.

Слушаю, слушаю я бывшего вертухая, не перебиваю. Понимаю — он от меня сейчас далеко, в другое время нырнул.

Спрашиваю «для разрядки» — беглецы-то были? Говорят, побегов не было, все путем — работа-

ли, жалоб никаких. Смеется. Да бегали, бегали, да ведь степь — куда бежать, далеко-то не убежишь. Ловили. И?..

Что «и»? Стреляли. На поражение, как же иначе. Служба такая. Ничего не попишешь. А потом? А что могло быть потом? — и смотрит на меня. Спокойный такой, красивый старик, косая сажень в плечах, борода аккуратная, седая. Глаза...

Лучше бы не смотреть никогда в эти глаза. Но теперь они все — кто остался — ветераны МВД. В личных делах о службе в конвойных войсках лагерных — ни строки. Просто — в «системе», и все. Точка. Вот и собеседник мой — ветеран. За выслугу лет награжден орденом «Курмет», по-старому «Знак почта». За «верную службу по охране безопасности родины».

...Электростанция в лагерной Долинке («столице» Карлага, как ее называли) — это было совсем небольшое саманное здание, вернее, не станция, а подстанция, работавшая на угле, спроектированная и введенная в строй заключенными инженерами лагерного КБ («шарашки»). В 1990-е ее стены растащили, так что сегодня уже и следов не осталось. От многого в Долинке следов не осталось. Только память. Если кто ее не боится...

Руководила командой на подстанции в 1930-х заключенная по статье 58 УК РСФСР инженер-электрик Нина Шер, там же плечом к плечу с ней работала и заключенная по той же статье инженер москвичка Елена Фогельман, а станционным монтером-наладчиком был тоже «враг народа» (та же статья 58 УК РСФСР) Федор Головин, по воспоминаниям Фогельман, специалист высочайшего класса. Еще были кочегары — сидельцы по разным статьям, половина из них, по воспоминаниям той же Елены Фогельман, мне из Москвы в 1980-х присланным, поумирали в страшные дни отравления тухлой рыбой (и такое есть в «биографии» Карлага). Работали круглосуточно, в 3 смены. Жили специалисты-электрики поблизости, в «инженерном» бараке.

И вот в ночную смену, урывками, боясь, чтобы на «застукали», сочиняет наш Николай Гаврилович Ченцов поэму о Пушкине. О своем Пушкине. Ведет с ним свой ночной разговор. Пишет эзоповским языком, адресует неизвестному будущему, нам с вами — кому же еще можно адресовать такое? Пишет с надеждой, что прочитают. И поймут. И услышат. Пишет о том, о чем сказать нельзя, писать — опасно, молчать — невозможно. И смириться нет сил.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ПУШКИН КАК СПАСЕНИЕ...

По-настоящему спасительным стало бессмертное пушкинское слово для Николая Гавриловича Ченцова. Именно Александр Сергеевич Пушкин помог сталинскому эзку во весь голос прокричать о своем противостоянии самому времени, в котором оказался, выговориться о той «стране долготерпенья», в которой выпало жить, выживать и выжить. Выживать вопреки всему пережитому. Выжить. И потом — жить. Жить, как получится. Ездить по стране. Искать тихих мест. Безлюдья, которому можно доверить себя без опаски. И думать...

После освобождения и реабилитации Ченцов прожил недолго. Каждый отпуск уезжал подальше — хотел убежать от воспоминаний? От прошлого? От себя? Но из такой тюрьмы некуда бежать. Это понял давно. Сделал массу снимков. На фотографии — только природа. Молчаливая. Только природа — очень красиво и очень отстраненно — ни одного лица. Люди в такой красоте просто не должны жить. Но — живут...

Екатерина КУЗНЕЦОВА,
Караганда, Казахстан

ДЕЛО ДМИТРИЕВА

➤ Окончание. Начало на с. 1

«Почти 20 лет, с момента открытия Сандармоха в 1997 году, региональные власти поддерживали деятельность Дмитриева в этом направлении. В 2016 году фактически за это он получил Почетную грамоту Республики Карелия, был главой республиканской комиссии по реабилитации. Но после того, как в 2014 году был взят курс на изоляцию, у кого-то вызвали недовольство Дни памяти в Сандармохе, отмечаемые 5 августа — в день начала Большого террора. В Сандармох тогда съезжались делегации из разных регионов России, из сопредельных стран — Украины, стран Балтии, Польши, Армении, Азербайджана. Я полагаю, что Дмитриев стал жертвой давления тех сил, которым не нравится международное отмечаемое этой даты», — заметил Кривенко. Он с сожалением отметил, что это

Дмитриева стало стремление местных властей закрыть Сандармох. «С мая прошлого года в СМИ стали появляться заметки о том, что в Сандармохе, мол, все нечисто, там были финны и они расстреливали там красноармейцев. Эта кампания продолжалась до 4 августа, после чего из правительства Карелии последовало указание чиновникам не участвовать в отмечаении Дня памяти. Так что «закрытие» Юры — это шаг к закрытию Сандармоха», — сказал он, подчеркнув, что одновременно с пресс-брифингом в Петрозаводске проводится «круглый стол», главной темой которого стало «доказательство» «финского следа» в Сандармохе.

Заметив, что Дмитриев «удивительный и важный человек не только для Карелии, но и для всей России», Анатолий Разумов назвал его «дело» неприятным подарком к 70-летию начала Большого террора и

Он понимал, что у миллионов людей есть не только право на жизнь, но и право на память»

уже не первое дело, направленное против активистов гражданского общества: «Были дело Супруна, дело Михаила Саввы, сейчас разворачивается дело Валентины Череватенко, которую обвиняют в том, что она не соблюдала правила поведения «иностранный агент». Кривенко также отметил, что глава СПЧ Михаил Федотов направил письмо властям Карелии с предложением об участии СПЧ в отмечаении 5 августа.

Анатолий Разумов, руководитель центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, составитель Книги памяти «Ленинградский мартиролог» также считает, что причиной ареста Дмитриева стала его деятельность по мемориализации мест массовых расстрелов. «Его задачей было превратить места захоронений в места памяти. Он никогда не останавливался в поисках мест захоронений, и за это его арестовали», — подчеркнул он. По мнению исследователя, еще одним основанием для ареста

20-летию открытия Сандармоха. «Он понимал, что у миллионов людей есть не только право на жизнь, но и право на память», — подчеркнул Разумов, перечисляя основные находки Дмитриева (Сандармох, Красный Бор, кладбище у Секирной горы на Соловецких островах, кладбище у 8-го шлюза Беломорско-Балтийского канала) и изданные им Книги памяти (расстрелянных в Сандармохе, в Карелии вообще, Книга памяти расстрелянных карелов). Впрочем, закончил он на оптимистической ноте: «Он выйдет и обязательно найдет то, что ищет, — место расстрела второго соловецкого этапа где-то у Лодейного Поля и место расстрела третьего этапа на самих Соловках».

Адвокат Юрия Дмитриева Виктор Ануфриев отметил, что экспертиза, на основании которой Дмитриеву было предъявлено обвинение в распространении порнографии и развратных действи-

Вечером 7 июня в Музее истории ГУЛАГа состоялась презентация Книг памяти, которые составил руководитель Карельского «Мемориала» Юрий Дмитриев.

На сайте музея отмечено, что Книга памяти Карельского народа «Их помнит Родина» содержит имена карелов, погибших в годы Большого сталинского террора 1937–1938 годов. Списки сгруппированы по местам рождения и проживания людей, главным образом по многочисленным деревням Карельской АССР. В книгу также включены имена карелов, живших за пределами республики. Эта книга, плод недавних трудов Юрия Дмитриева, завершена в 2016 году, незадолго до ареста.

Книга памяти «Красный Бор» содержит имена 1196 человек, расстрелянных и захороненных неподалеку от Петрозаводска, в лесу близ села Деревянное. Книга памяти была подготовлена автором в 2000 году, но ранее не издавалась.

На презентации книг Дмитриева в Петрозаводске 26 мая член Правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский, который участвовал в подготовке диска с Книгами памяти, сказал: «Это чрезвычайно важное дело, и это редкая вещь, когда в регионе находится такой энтузиаст, который занимается поиском мест захоронений, параллельно помогает в аналогичных поисках в других регионах и одновременно он же занимается изданием Книг памяти. Одно из страшных последствий советской власти — разрушение памяти народа. Память народа начинается с семейной памяти, но далеко не все знают, что было с их предками на протяжении XX века. Было опасно помнить, да и власть не сообщала, что она делала с людьми. Важно, чтобы эта память вернулась, чтобы люди вспомнили своих близких. «Красный Бор» — это список имен людей, захороненных в одноименном месте. Но вторая книга («Их помнит родина. Книга памяти карельского народа») более важна — она связана не с местом гибели человека, а с местом, где он родился и жил. Это односельчане, тут более 800 деревень упомянуто, в каждой был свой погибший, о каждом из них будет лучше помнить. Это огромная работа. Надеюсь, что она будет продолжена. Хочется надеяться, что потомки вспомнят об этих людях».

Сотрудник музея «Международного Мемориала» Ирина Галкова рассказала, что познакомилась в Дмитриевым недавно при подготовке экспедиции. «Если говорить о книгах, о которых сегодня идет речь, здорово, что они идут вместе. Это получилось не намеренно — одна книга была готова давно, а вторая готовилась в последние годы. Но так совпало, что эти книги друг друга дополняют, они проявляют внутреннюю работу Юрия Дмитриева. Красный Бор — это место расстрела тех, кто был арестован в ходе национальных «операций». Если посмотреть на статистику, то там расстреляно 1196 человек и более тысячи из них — это карелы и финны. Это волны национальных «операций», которые прошли в Карелии. Во второй книге эти имена восстановлены иначе. Дмитриев шел от восстановления памяти на месте смерти до их домов, находил адреса, по которым они жили до ареста. И местом памяти становятся те места, где они родились и жили. Совершение этого пути очень важно».

По материалам 7x7-journal.ru телеканала «Дождь» tvrain.ru Музея истории ГУЛАГа

я по отношению к несовершеннолетним (речь шла о фотографиях, которые Юрий Дмитриев делал на случай возникновения к нему претензий со стороны структур опеки в том, что он бьет ребенка), была проведена с нарушением всех правил. «Состав этих экспертов тоже вызывает вопросы. Ведь такую тему явно должны разбирать не математик и искусствовед, а сексолог, но его в составе экспертов не было. Мы обращались в суд с требованием признать экспертизу недопустимой, но суд первой инстанции решил, что рассмотрит этот вопрос в совещательной комнате», — рассказал Ануфриев. Он подчеркнул, что у защиты есть свои эксперты, которых она предъявит, когда дело дойдет до вызова свидетелей защиты. Само дело было возбуждено на основании анонимного доноса, поступившего в полицию 2 декабря 2016 года. При этом, как подчеркнул адвокат, за несколько дней до проведения у Юрия Дмитриева обыска его выманили из дома на

несколько часов. В это время в доме побывали посторонние люди, которые что-то искали. «Само это дело в случае обвинительного приговора будет для Юрия Дмитриева смертельным — и из-за его возраста, и из-за крайне отрицательного отношения к людям, посаженным по этим статьям, в «зонах», — заключил Ануфриев, выразив надежду на то, что удастся добиться справедливости при рассмотрении «дела» Юрия Дмитриева в Верховном суде.

Дочь Юрия Дмитриева Екатерина Клодт заметила, что происходящий судебный процесс напоминает ей абсурд. «7 июня было заседание суда, напоминавшее цирк. У отца было 10 конвоиров, еще трое стояли в дверях», — рассказала она. Клодт подчеркнула, что Юрий Дмитриев был для нее не только отцом, но и другом, она ездила с ним в экспедиции (в том числе и в ту, когда был открыт Сандармох), а сейчас с ним ездит ее сын. «Я очень скучаю по нему и переживаю за него», — сказала она.

Директор московского киноколледжа № 40 «Московская международная киношкола» Ольга Керзина рассказала, что знакома с Юрием Дмитриевым почти 17 лет. Ученики ее киноколледжа ездили с ним в экспедиции на Соловки, в Лодейное Поле на 10-14 дней. «Он твердый и бескомпромиссный и при этом — с невероятным уважением и трогательной заботой к человеку любого возраста. Для моих учеников было большим счастьем находиться рядом с ним», — отметила она.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. В конце марта 2017 г. на бывшего директора Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) академика Юрия Пивоварова завели уголовное дело о мошенничестве. Его подозревают в том, что он принял на работу двух сотрудников, которые получали зарплату, но на работу не ходили. Сумма ущерба оценивается в полтора миллиона рублей. Пивоваров находится под подпиской о невыезде. В 2015 г. Пивоварову было предъявлено обвинение в халатности в связи с пожаром в ИНИОН.

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

ПАМЯТИ
МЕЧИСЛАВА БОРАКА

➤ Окончание. Начало на с. 1

вацкий ГУЛАГ», созданный в конце 1940-х — начале 1950-х годов. К 1954 году там насчитывалось около 30 лагерей, в которых сидели 22 тыс. человек. Первыми «постояльцами» стали нацистские преступники и коллаборационисты. Борака интересовало, где, как и в каких условиях они содержались. Туда помещали судетских немцев перед депортацией, потом — нацистских преступников. Проводя это исследование, Борака обнаружил, что суды над коллаборационистами способствовали всплескам антисемитизма в Чехии.

По словам Яна Махонина, начиная с 1990 года основной темой исследований для Борака стала тема репрессий против чехов и уроженцев Чехословакии в СССР. «Вначале он занимался репрессированными вообще, затем — только теми, кто был расстрелян, теми, о ком не знали их близкие и о ком не выдавали никаких справок архивы. Он ставил своей задачей проследить их судьбу. Всего он, проработав в архивах на территории бывшего СССР свыше 12 лет, нашел и смог установить судьбу более 1200 человек, фактически вернув их к существованию и создав боль-

шую базу данных жертв террора. В установлении их судьбы Мечиславу Бораку помогли его таланты дипломата. Он хорошо контактировал с людьми, имевшими доступ к этим материалам», — подчеркнул сотрудник Чешского культурного центра в Москве. Итогом исследований ученого стали две книги: «Московские захоронения: Чехи и чехословацкие граждане, казненные в Москве в 1922–1953 гг.» (2013) и «Тайные казни. Чехи и чехословацкие граждане, казненные на Советской Украине: из истории Большого террора на Волыни и в Подолье» (2014).

Однако и после 2014 года он не оставлял эту тему, работая с материалами из открывшегося архива Службы безопасности Украины. Как сообщил Махонин, подготовленный Мечиславом Бораком сборник документов из архива СБУ должен выйти в ближайшее время. При этом он много путешествовал, стремясь проиллюстрировать академический материал личными впечатлениями от мест, упомянутых в найденных им документах. Так, в 2015 году на церемонии «Возвращение имен» Мечислав Борака прочел список фамилий 10 чехословаков, казненных в годы Большого террора,

а в рамках проекта «Последний адрес» были установлены две таблички с именами расстрелянных чехословаков.

Особое место в его исследованиях заняла тема уроженцев Чехословакии, расстрелянных в Катыни. Сам Мечислав Борака возглавлял организацию «Катынская семья». «В июне 1990 года он организовал первую встречу с родственниками погибших. Туда пришли 150 человек — люди, чьи отцы и деды исчезли, и они не имели никакой возможности узнать о них. За эти

За эти годы Бораку удалось найти данные на 500 расстрелянных в Катыни чехословаках. Данные о 350 из них были верифицированы с абсолютной точностью.

годы Бораку удалось найти данные на 500 расстрелянных в Катыни чехословаках. Данные о 350 из них были верифицированы с абсолютной точностью.

О том, как уроженцы Чехословакии оказались в Катыни, рассказал руководитель польской программы «Мемориала» Александр Гурьянов. Для этого он обратился к истории Тешинской Силезии. Эта некогда польская территория несколько столетий назад вошла в состав Чешского королевства, а потом — в состав Австрии и сменившей ее Австро-Венгрии. В 1918–1919 годах, после распада Австро-Венгрии, между Польшей и Чехословакией даже вспыхнула короткая война

за эти земли. В итоге в 1920 году Совет послов, образованный странами Антанты для решения территориальных споров между новыми государствами Восточной Европы, разделил спорные земли примерно пополам. Чешскую часть в Польше называли Заользье.

«В 1938 году, сразу после предъявления Гитлером ультиматума Чехословакии, правительство Польши, которое, кстати, было очень обижено, что его не пригласили на Мюнхенскую конференцию, где было принято решение об

отторжении от Чехословакии Судет, предъявило Чехословакии свой ультиматум, требуя отдать Тешинскую Силезию на том же основании, что Германия требовала Судеты — из-за наличия польского населения. Польша заняла эту территорию. Настроения были такие же, как «Крымнаш» — «Заользье наше».

Когда началась Вторая мировая война, полицейских и чиновников из Заользья и вообще из западных воеводств эвакуировали на восток, поскольку предполагалось, что они станут первыми объектами немецких репрессий. Потом они попали в плен Красной армии и были переданы НКВД, что было прямым нарушением всех

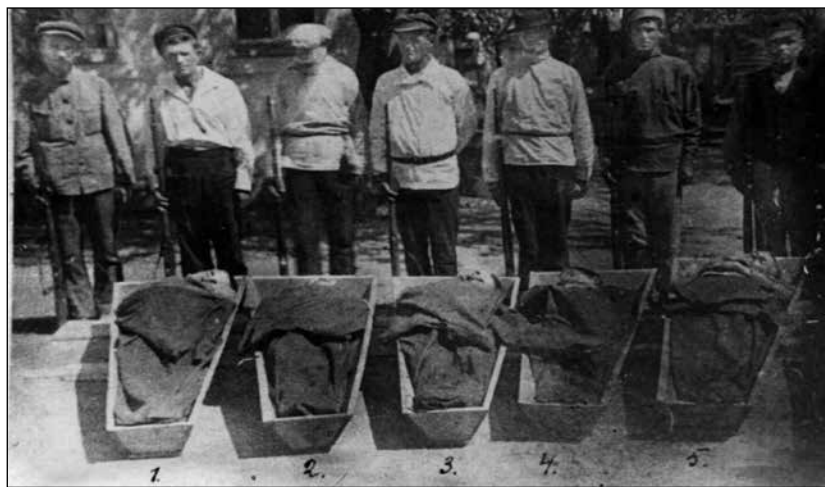
конвенций об обращении с пленными, предполагавших, что военнопленные остаются в распоряжении армии.

Говоря о книге Мечислава Борака о чехословаках — жертвах Катыни, Александр Гурьянов отметил, что она станет большой помощью при подготовке Книги памяти, посвященной жертвам Катыни из Осташковского лагеря, поскольку основная часть выходцев из Тешинской Силезии была сконцентрирована именно там. «К сожалению, на многих жертв Катынского преступления с трудом собираются биографические данные, поэтому подобная книга — большое подспорье», — подчеркнул он. Эти сведения, по словам Гурьянова, в основном были найдены в архиве СБУ, где были сконцентрированы материалы, полученные НКВД на основе подлинных польских документов, вывезенных при немецком наступлении на восток и попавших в руки Красной армии. В заключение Александр Гурьянов высказал пожелание, чтобы в будущем жила память не только о жертвах, но и об исследователях, занимавшихся их судьбами, и тем самым их душа оставалась бы жить.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Мечислав Борака. Фото из архива Чешского «Мемориала»

ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН ЗАВОЛЖЬЯ: СЕЛО БУЛУХТА

Село Булхута было основано в заволжских степях современной Волгоградской области на полуострове Горько-соленого озера (также называемого Булхута) во времена Столыпинских реформ. Оно географически входило в зону так называемого Приэльтонья, большая часть которого занята «бурыми сильно-солонцеватыми суглинками и супесчаными почвами с отдельными вкраплениями серых почв лиманов и западин»¹. Проживали здесь в основном русские и поволжские украинцы. За годы действия Столыпинской аграрной реформы Приэльтонье приобрело свою хозяйственную специфику: основу ее экономики составляли отрубные хутора и помещичьи имения, перешедшие на капиталистические рельсы развития. Хутора сеть покрывали степные просторы. Фермеры-степняки были собственниками или арендаторами больших участков возделываемых и пастбищных земель. Они обладали многочисленным поголовьем крупного рогатого и рабочего скота, отарами овец, современной сельскохозяйственной техникой, пользовались, в том числе, паровой техникой (локомотивами) и жатвенными машинами — лобогрейками. Многие занимались промышленным садоводством и огородничеством.

Без крепкого хозяйства и большого земельного участка выжить в заволжских степях было невозможно. Суровые условия резко континентального климата, высокая рискость земледелия привели к тому, что земельная норма в этих местах была самой высокой в России — до 75 десятин удобной земли на домохозяйство². Возделываемые целинные земли приносили богатые урожаи. До начала Гражданской войны они не успели потерять своего плодородия и подвергнуться ветровой эрозии. По свидетельству местных чиновников, «до (большевистского. — примеч. В.Я.) переворота население... не знало той нужды, которую испытывали крестьяне Пензенской, Нижегородской и др. губерний, и рука старого режима, благодаря широкому приволью, была для них почти не чувствительна»³. Все изменилось с приходом к власти большевиков. Введенная ими политика «военного коммунизма» — продразверстка, государственная монополия на сельскохозяйственные продукты, запрет частной торговли, а также массовая мобилизация мужского населения и перевозных средств в Красную армию — стала основной причиной вспышки антибольшевистского повстанчества в Приэльтонье. Экономическая автономность хуторян-степняков, их клановость и территориальная изолированность от уездных и губернских центров, опыт в отражении грабительских набегов соседей-козачков являлись основными фак-

торами в стремлении степняков к независимости и безгосударственности. Поэтому утверждение в регионе продразверстки и других мер «военного коммунизма» встретило массовый отпор со стороны местного крестьянства — поначалу пассивный, а затем и вооруженный. Летом и осенью 1918 года окрестности Горько-соленого озера превратились в очаг антибольшевистского движения.

БУЛУХТА — ОЧАГ ПОВСТАНЧЕСТВА

Осенью 1918 года в Царицынско-Астраханском Заволжье вспыхнуло антибольшевистское восстание «степных партизан». Зона бунта была поделена руководителями восстания на 13 районов. Одним из очагов крестьянского сопротивления стала Булхута. Именно на берега Горько-соленого озера прибыл диверсионный отряд донского казака Григория Носаева, который стал кристаллизующим центром формирования повстанчества в Приэльтонье. Первой военной операцией носаевцев стал захват села Житкур (сейчас этого села уже не существует), в котором в то время находился гарнизон красноармейцев. В захвате Житкура участвовали также отряды партизан Еркина, братьев Солохиных, братьев Сабинных, Маслова. В рядах повстанцев были и местные жители, вооруженные вилами и дубинами. 5 марта 1919 года кровопролитный бой закончился пленением большей части служащих гарнизона и коммунистов. После долгих пыток на площади села они были убиты. Тела были брошены без погребения. 10 марта объединенный отряд астраханских и местных красноармейцев без боя вошел в Житкур. В ответ на гибель Житкурского гарнизона каратели объявили Красный террор. В Житкуре было арестовано около 300 человек — кулаков, торговцев, родственников партизан. У арестованных конфисковали имущество, скот, продукты.

Большинство заложников решением карательной тройки были расстреляны, часть отправлена в Астрахань. Погибших защитников гарнизона торжественно похоронили в братской могиле. Уходя от преследования карателей, повстанцы присоединились к Уральской отдельной армии генерал-майора В.С.Толстова. В сентябре 1919 года Толстов возвращает отряды Носаева — Сабинина в Астраханские степи для организации связи с армией Деникина. Местом своей дислокации они избрали окрестности Булхуты. В мае 1920 года Царицынский губисполком высылает в заволжские степи крупный карательный отряд. Под его ударами повстанцы Носаева — Сабинина разбегаются. Вскоре Носаев сформировал в киргизских

степях новый отряд. В июне носаевцы и дезертиры-деникинцы (150 пехотинцев и 44 кавалериста) скрываются в районе Балок, Булхуты и Хары.

В середине марта 1921 года в Царицынско-Самарском Заволжье и в Автономной республике немцев Поволжья вспыхивает антибольшевистское восстание голодающих крестьян Поволжья. Руководитель восстания Михаил Пятаков установил связь с двухтысячной объединенной группировкой Еркина — Носаева — Колесова — Маслова, действовавшей в степях между Булхуты и Эльтоном. В соглашении с Пятаковым эльтонские партизаны совершили нападения на Старый Эльтон (3 апреля), Быково (6 апреля) и ст. Кайсацкую (12 апреля). Готовился захват Ленинска. В октябре основные силы носаевцев вошли в группировку В.А.Серова — «Первую атаманскую дивизию оставших войск — Воля народа». В течение ноября объединенная группировка повстанцев, многократно дробясь на группы, постепенно отступала 81-й бригадой ВНУС⁴ в сторону реки Урал. В заволжских степях в течение 1921 года силами 27-й дивизии были проведены несколько карательных операций: сжигали хутора как базу повстанчества, часть жителей была расстреляна, часть переселилась в другие места. В конце 1921-го — начале 1922 года большинство степных партизан сложили оружие и были амнистированы. Село Булхута, несмотря на поддержку ее жителями повстанцев, было сохранено и просуществовало до 1960-х годов.

СВЕДЕНИЯ ОГПУ

Как же сложилась судьба амнистированных партизан? Из рассекреченной спецводки ОГПУ по агентурной разработке, включавшей территорию современной Волгоградской области (по состоянию на 10 сентября 1929 года), стало известно, что «вся амнистированная рядовая масса бандитов и отчасти руководящий состав после ликвидации движения осел на прежнем своем месте жительства, где комплектовался в банды»⁵. В ряде населенных пунктов «оказались осевшими целые бывшие банды со своим руководящим составом». По агентурным сведениям, во время сдачи оружия часть его они утаили в степях «на всякий случай»⁶. Прочитавшие наиболее интересную часть спецводки: «В первые годы по возвращении бывшие бандиты из-за боязни репрессий никакой контрреволюционной деятельности не проявляли, но вместе с тем свои связи между собой сохраняли, имея общие друг с другом. Остаются безнаказанными бывшие идеологи и вожди бандитско-повстанческого движения того времени, сохранившие

что местные кулаки пытаются вывести свое имущество из-под конфискации. Так, по словам свидетелей, некоторые зажиточные семьи живут «на два хозяйства». Например, из Булхуты они увозят имущество на квартиры в село Заплавное. «Бывают случаи, что приходит комиссия с опи-сью — голые стены, а в сундуках равные тряпки... Из этого видно, что кулачество давно уже подготовилось к ликвидации», — делался вывод в записке. По сведениям сельсовета, случаев бегства жителей села, внесенных в списки раскулаченных, не было. С них взяты подписки о невыезде»⁷.

К 1 марта раскулачивание булхутинских зажиточных крестьян было закончено. Репрессиям в селе подверглись 69 человек. Конфискованное у кулаков имущество было передано в колхоз имени Ленина. Колхозники организовали круглосуточную охрану изъятых вещей.

В селе в те дни праздновались новоселья — дома кулаков занимали бедняки. В землянки бедняков вселились раскулаченные. При этом глава сельсовета отмечал, что «всех раскулаченных на долгое время оставлять в таком состоянии нельзя, ибо они надоедают каждый день с вопросами: одни просят хлеба, другие говорят, что они или члены их семей больные, и им надо медпомощь». «Могут распространять нехорошее влияние на членов колхоза»⁸, — выражал свои опасения председатель сельской «тройки» Нестеренко, требуя скорейшей отправки раскулаченных семей в места не столь отдаленные.

Нужно отметить, что начало коллективизации в Булхутинском районе в 1930 году шло ни шатко ни валко. Колхоз имени Ленина слился с коммуну «1 мая». Крестьяне-единоличники в колхоз вступать не спешили. Составитель информзаписки некто товарищ Дикерман 5 марта сообщал, что до 40 хозяйств «колеблются, не уверены, вступят ли (в колхоз. — Примеч. В.Я.)». «План посевной кампании продвигается чрезвычайно туго», — жаловался чиновник. Булхутинскому колхозу нужно было засеять 50 га кукурузы, 180 га подсолнечника, 10 га сои, 10 га клеверицы, 20 га суданки (кормовая трава из рода сорго), 30 га картофеля. «Но на всю площадь нет ни одного грамма семян. Твердой уверенности, что поступят семена, — нет. Райком кроме директив ничего очевидного еще не сделал», — разводил руками Дикерман⁹.

В июне 1931 года процесс раскулачивания продолжился — были раскулачены еще 29 человек. То есть всего раскулаченных за 2 года насчитывалось 97 человек. Районные власти распространили по сельсоветам следующую рекомендацию: «На каждого выселяемого члена кулацкой семьи должен быть трехмесячный запас основного продовольствия, в том числе хлеба из расчета 400 грамм в сутки и 36 кг на три месяца печеного хлеба или 2 кг муки, также минимальный приварок: крупа, картофель и пр., исходя из местных возможностей. К моменту выселения продукты должны быть приобретены выселяемыми за свой счет. Сельсовет должен оказывать содействие из расчета: одна лошадь на пять кулацких семей, один однолещный плуг, одна борона, одна телега. Инвентарь взять у кулацких семей, проживающих в поселках. Если там нет, обязать кулаков за свой счет в складчину (приобрести. — Примеч. В.Я.). Для этого организовать кулацкие семьи в группы по пять человек».

РАСКУЛАЧИВАНИЕ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Кампания по ликвидации кулачества как класса началась в Приэльтонье в 1930 году. Булхутинский сельский совет 13 февраля отправил районным властям информационную записку о первых результатах репрессивных мер. В ней отмечалось, что кулачество «подпольно ведет агитацию против коллективизации и ликвидации кулачества». «Запугивают: вы без нас погибнете», — говорится в записке. Составители отчета отметили, что беднота и батрачество Булхуты взяли на себя обязательство «запахать с колхозами всю принадлежащую выселяемым кулакам землю». «Несмотря на безобразную погоду — штурм 10 и 11 февраля — все же беднота и батрачество явились на собрание за несколько верст. Характерные выступления батраков, которые говорят: наконец-таки и в Булхуте появились действия Советской власти, давно бы так надо, довольно с них кулаки шкуры грабили», — говорилось в информзаписке. Составители отчета сообщили, что в Булхутинском районе коммунисты провели 3 общественных собрания представителей бедноты, батрачества и колхоза по вопросам раскулачивания. Выступающие отметили,

➤ Окончание. Начало на с. 10

О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

В год 100-летия российских революций в «Международном Мемориале» прошла конференция «Февральская революция 1917 года и «путь Февраля»: нереализованный потенциал, место и значение в истории России». Основной целью трехдневной конференции было противопоставление научного подхода к изучению проблем Февральской революции и различных конспирологических теорий.

Как отметил в интервью «30 октября» Константин Морозов, председатель оргкомитета конференции, член-учредитель и член Совета Вольного исторического общества, идея проведения конференции возникла на постоянно действующем семинаре «Левые в России: история и общественная память». «Было решено провести вместо одного из заседаний семинара однодневную конференцию с тем, чтобы собрать в ее рамках наиболее заметных ученых, специализирующихся на этой теме, и обсудить эту тему на хорошем научном уровне», — рассказал Морозов.

Организаторами конференции выступили Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», постоянно действующий семинар «Левые в России: история и общественная память» и Вольное историческое общество.

В своем вступительном слове Константин Морозов подчеркнул, что конференция посвящена ключевому событию истории России начала XX века — падению самодержавия и выбору пути развития России в 1917 году. «Эти события оказали огромное влияние на последующую историю России и очень серьезно повлияли на мировую историю. Без знания и понимания причин этих событий не может быть ни гражданина, ни патриота, ни тех, кого в XIX веке называли критически мыслящими личностями».

Он также резко выступил против попыток «битв за историю». «Когда говорят об «исторических битвах» и предлагают историкам занять свое место в одном из окопов, надо понимать, что первыми в этих битвах погибнут историческая наука и сами историки, которые станут жертвами очередного использования истории на службе политики. Подобный призыв вытесняет историков в русло конспирологии, которая очень серьезно вредит и исторической науке, и историческому самосознанию. С этой точки зрения наша задача — сохранение исторической науки и ее традиции ведения дискуссии», — сказал он.

Отметив, что конференция, конечно же, не сможет дать ответов на все вопросы о революции 1917 года — на это, по мнению ученого, потребуются десятилетия, как в свое время французам потребовалось почти 200 лет для осмысления Французской революции, — но она сможет наметить пути для этого. «Мы придем к успеху, если будем вести научную дискуссию, слушать и слышать друг друга и вести эту дискуссию не только среди историков, но и в обществе. Даже если мы не найдем ответов, то хотя бы приблизимся к их пониманию и осмыслению, что важно для того, что-

бы не наступать на одни и те же грабли», — заключил Константин Морозов.

Со своей стороны, Ян Рачинский, председатель Правления Московского «Мемориала», член Совета НИИЦ «Мемориал», заметил, что тема конференции — опыт выхода из авторитарного режима — чрезвычайно важна сегодня. «Хотя конференции сейчас гораздо менее популярны, чем фильмы на историческую тематику, в истории, как и в естественных науках, остро необходимы фундаментальные исследования», — сказал он. Ян Рачинский также подчеркнул важность того факта, что одной из тем конференции стали возможные альтернативы событиям 1917 года. «Когда говорят о том, что история не знает сослагательного наклонения, это неправда. История знала и сослагательное наклонение, и эксперименты», — заявил он, отметив, что проблема выбора пути сохраняет актуальность и для современной России. «Сегодня, как и сто лет назад, страна вновь стоит перед выбором пути, и не вполне сформировавшееся гражданское общество опять нуждается в указании возможных путей развития. Обращение к опыту марта 1917 года в этих условиях представляется очень полезным», — заключил он.

«ТУГОЙ ЖГУТ, НАКРУЧЕННЫЙ ВОКРУГ СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ»

Уже на первой панели развернулась бурная дискуссия о возможных альтернативах приходу к власти большевиков в 1917 году. Начал ее руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН Александр Шубин, заявивший, что история, конечно, знает слово «если», но при рассмотрении возможных альтернатив нужно быть очень осторожными. «Помимо личностей в истории, существуют социальные закономерности, поэтому исторические альтернативы — это тугой жгут, накрученный вокруг складывающихся обстоятельств», — заметил он. По его мнению, в 1917 году существовал ряд вопросов, без ответа на которые нельзя было удержаться у власти, — аграрно-продовольственный, национальный, рабочий, и вопрос о выходе из войны. При этом политические силы, приходившие к власти, делали противоположное тому, на что рассчитывали их сторонники, — кадет Шингарев ввел продовольственные карточки, а эсеры, всегда ратовавшие за передачу земли крестьянам, оказавшись у власти, с крайней осторожностью подошли к этому вопросу. Большевики же оказались единственными, кто начал исполнять обещания социалистов, и потому их приход к власти оказался фактически преопределен, в противном случае страна превратилась бы в подобие межвоенных Венгрии и Китая.

Константин Морозов в свою очередь отметил, что уверенно говорить о том, как пошло бы дальнейшее развитие страны в случае, если бы большевиков не пустили к власти, сложно. «Чем дальше от точки бифуркации, тем больше новых факторов. Понятно, что, вероятно, был бы «белый террор», но никакие

белые не стали бы проводить коллективизацию или террор в масштабах 1930-х», — отметил он. В ответ Александр Шубин вновь заявил, что перед Россией в 1917 году было лишь два варианта развития — авторитаризм или социализм, социалисты же проиграли большевикам, поскольку не спешили выполнять собственную программу.

Дискуссия о причинах победы большевиков продолжилась на панели «Февральская революция в научных концепциях». Жестче всего по поводу возможных альтернатив высказался главный научный сотрудник Института российской истории РАН Владимир Булдаков, заметивший, что поиск альтернатив умозритель. «Люди, делающие это, работают не с тем, что есть, а с тем, что хочется», — заключил он.

Президент Московской высшей школы социальных и экономических наук Теодор Шанин, отметив, что его часто спрашивают о причинах победы большевиков, подчеркнул, что во многом эта победа стала последствием поддержки крестьянства. «Конечно, большевики брали у крестьян хлеб, требовали от них изменений, которые далеко не всегда принимала их психология, но крестьяне выбирали их, а не белых, которые вообще ничего не делали в аграрном вопросе. Только в самые последние свои дни Колчак пытался провести аграрную реформу, а Врангель даже ее провел. Но было уже поздно. В итоге в Красной армии было 5 миллионов человек, а у белых — только миллион», — подчеркнул он.

Профессор Новосибирского государственного технического университета Николай Розов со своей стороны подчеркнул, что в начале XX века социализм отнюдь не был дискредитирован. «Он манил, и это продолжалось до разоблачений ГУЛАГа. То, что государство может быть эксплуататором, жителям России предстояло понять и прочувствовать в будущем», — заметил он. Константин Морозов также отметил, что население видело беды не в социализме, а в своей жизни. «В социализме люди видели спасение. Сегодня мы уже достаточно много знаем о том, какие серьезные противоречия были в дореволюционном обществе, и понимаем, что социализм рассматривался как альтернатива полному подавлению человеческой личности», — заключил он.

«АНГЛИЧАНКА, КОТОРАЯ ГАДИТ»

Главный научный сотрудник Института российской истории РАН Владимир Булдаков рассказал об истоках конспирологических теорий, объясняющих революцию 1917 года результатом заговора. «Весь XIX век в российском обществе господствовало подозрение о том, что «англичанка гадит». Эти же подозрения сохранялись и во время Первой мировой войны, когда отношение к западным союзникам было двойственным — с одной стороны, они союзники, с другой — может быть, заговорщики», — заметил докладчик. В качестве иллюстрации он привел отрывок из мемуаров известного британского дипломата Роберта

Локкарта, который с удивлением отмечал, что с момента его прибытия в Россию в 1915 году многие люди недоуменно спрашивали у него, почему Англия ничего не делает, чтобы навести порядок в российских верхах. А поскольку в критические моменты соотношение между реальностью и воображаемым в человеческом восприятии резко меняется в пользу воображаемого, Февральская революция оказалась окружена массой мифов, начиная с утверждения о народе, свергнувшем самодержавие.

Доцент кафедры истории России нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ Александр Асташов посвятил свой доклад состоянию армии Российской империи накануне революции, опровергая мифологему о том, что армия была хороша и ее разложение началось лишь после падения императорского режима. Он подчеркнул, что во время Первой мировой войны в России впервые был осуществлен всеобщий призыв в армию (до того призывали не более трети военнообязанных), в результате чего большинство солдат составляли крестьяне, считавшие, что они уже отвоевали свое, и стремились домой.

«ДРУГОГО ВЫХОДА НЕ ВИЖУ»

Преподаватель гимназии № 1543 и автор нескольких школьных учебников по истории Леонид Кацва обратился к изображению Февральской революции в современных школьных учебниках. Он отметил, что, в отличие от советского времени, когда учебник должен был показать закономерность революции, нынешние учебники ничего не говорят о предпосылках революции, в лучшем случае подменяя это рассказом о событиях февраля 1917 года. «При чтении учебников создается впечатление, что вот, была замечательная страна, и только Первая мировая война бросила ее в революцию», — рассказал Кацва. При этом из двух конкурирующих учебников, которые должны быть использованы в следующем учебном году, учебник издательства «Просвещение» более казенный, а учебник издательства «Дрофа» более современный по содержанию, но 60-70% учителей предпочитают использовать второй. «Заменить учебник нельзя, но сделать дополнение к нему можно, и другого выхода я не вижу», — подчеркнул он.

Комментируя итоги конференции, Константин Морозов сказал «30 октября», что доволен ими. «Нам удалось собрать вместе таких ученых, как Теодор Шанин, Борис Колоницкий, Владимир Булдаков, Кирилл Соловьев и ряд других, то есть практически всех историков первого ряда, занимающихся изучением проблематики 1917 года и предшествующих ему лет. Получилась хорошая научная конференция — противовес расплывшимся конспирологическим построениям, предпочитающим не опираться на науку. О том, что конференция удалась, мне единодушно говорили участники и гости конференции, с которыми я общался», — отметил Морозов. — Панели конференции проходили при полном зале «Мемориала».

Что же касается возможности ознобления с докладами, то те, кто не попал на конференцию, смогут сделать это на канале «Мемориала» в YouTube¹, где выложены видеозаписи панелей.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

1. www.youtube.com/user/MemorialRU

На снимке: Андрей Мамаев, Павел Кудюкин, Владислав Аксенов, Борис Колоницкий, Кирилл Соловьев на панели «Причины Февральской революции и нереализованный потенциал «пути Февраля».

Стоп-кадр видеозаписи конференции из архива НИИЦ «Мемориал», Москва

век, выделив из них ответственных за приобретение лошади и инвентаря, также с фуражом на три месяца запаса: 20 фунтов сена, 10 фунтов овса в сутки на одну лошадь, 45 пудов сена, 22 пуда овса на все время... Еще раз подтверждаем необходимость проживания комендантов в кулацких поселках и прикрепления к семьям раскулаченных лиц для наблюдения за ними. В сельсоветах регистрацию кулацких семей (проводить. — Примеч. В.Я.) раз в 5 дней. Председатель РИКа Суходов, секретарь РК ВКП(б) Русанов, начальник районного отделения АОС ПП ОГПУ НВК Лебедев»¹².

Непострадавшие от репрессий родственники раскулаченных стали брать на иждивение их детей и немощных стариков. Вот выдержки из поручительства: «17 ноября 1931 года. Я, гражданка Галичкина Агафья Ивановна, беру в свою семью девочку Анну Галичкину 11 лет». «Морозова Анна забрала на иждивение раскулаченного и лишенного избирательных прав отца 82 лет и мать, живших в г. Ленинске». «21 ноября 1931 года. Тараканов Илья Петрович взял на иждивение отца Петра Федотовича, 82 года и мать Анну Игнатьевну, 81 год»¹³. Были и случаи реабилитации — исключения из списков раскулаченных. Так, крестьянин села Булухта Иван Захарович Болдин (возможно, Балдин. — Примеч. В.Я.) был зачислен в ряды кулачества. Вскоре он был оправдан. Его хозяйство было признано середняцким. Наложённый на Болдина кратный штраф был отменен. Сельсовет вернул ему изъятое имущество¹⁴.

До 1933 года в селе Булухта проживало 29 членов раскулаченных семей¹⁴. Остальные отправились в Сибирь. С 1935 года высланные раскулаченные крестьяне стали возвращаться в родные места. На работу они устраивались на фермы колхозов и совхозов. Так, раскулаченный в 1932 году уроженец Булухты Иван Кириллович Молодкин (76 лет) был выслан в Сибирь. В 1935 году он был освобожден по возрасту и вернулся на родину. Работал пастухом в бригаде № 3 колхоза «Коммунар». В той же бригаде с 1937 года работал и его земляк, высланный в 1931 году в Сибирь 70-летний Александр Гришин. Всего вернувшихся из ссылки бывших кулаков проживало в Приэльтонье в 1937 году 38 человек. 24 булухтинца сбежали из кулацких поселков и обосновались в Сталинграде. Многие из них работали на Сталинградском тракторном заводе¹⁵.

Село Булухта исчезло с карты Волгоградской области в конце 1960-х годов, когда в Заволжье стали строить военный полигон. Люди переехали в другие районы, память же о репрессиях осталась в семейных преданиях и в государственных архивах.

Вячеслав ЯЩЕНКО,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»,
Волгоград

1. Медведовский Г.Р., Паневин Б.В. Сталинградский округ на путях сплошной коллективизации. Выпуск II. — Сталинград, 1930. — С. 8.
2. <http://www.sworld.com.ua/simprozi/149.htm>
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.197. Оп.1. Д.2. Л.171.
4. ВНУС — войска внутренней службы РККА.
5. Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф.7. Д.171. Л.33.
6. Там же. Л.33, 66.
7. Там же. Л.66.
8. Там же. Л.66-67. ГАВО. Ф.2694. Оп.1. Д.2. Л.18-19.
9. См.: ГАВО. Ф. 2694. Оп.1. Д.2. Л.32-33; Д.1. Л.24-29.
10. См.: ГАВО. Ф. 2694. Оп.1. Д.2. Л.3.
11. См.: там же Д.15. Л.86.
12. См.: там же. Л.178, 180, 188.
13. См.: ГАВО. Ф.2694. Оп.1. Д.3. Л.9.
14. См.: Там же. Л.109-111.
15. См.: Там же. Л.135,145-147.

На снимках: Похороны солдат, зарубленных степными партизанами, 1921 г.
Парад отрядов частей особого назначения в Усть-Медведицком округе Царицынской губернии, 1922 г.
Виселицы, на которых вакулинцы вешали коммунистов в слободы Николаевская Царицынской губернии, 1921 год
Фото из Государственного архива Волгоградской области

ИЮньСКИЕ И ИЮльСКИЕ ХРОНИКИ

1922. 9 июня – 9 августа

В Москве проходил открытый судебный процесс над лидерами партии социалистов-революционеров (правых эсеров), впервые в советской истории сопровождавшийся инспирированными властями массовыми демонстрациями с требованием смертной казни подсудимых. 14 подсудимых были приговорены к расстрелу, однако под давлением мировой общественности (в этой кампании протеста активно участвовал М. Горький) приговор был объявлен «условным» и заменен сначала тюремным заключением, а затем ссылкой. На свободу после смерти Сталина вышел только один из 14 приговоренных – Аркадий Альтовский. Он отбыл в лагерях 25 лет. Остальные или умерли в 1920–1930-е г., или были расстреляны в 1937–1938 гг.

1937. 11 июня

В Москве прошел закрытый процесс по делу мифической «Антисоветской троцкистской военной организации» в высшем командовании РККА. Члены Специального присутствия Верховного суда СССР (высшие военачальники) приговорили восьмерых подсудимых (своих бывших коллег, среди которых был маршал М.Н. Тухачевский) к расстрелу. В ту же ночь все осужденные были казнены. Начался пятилетний террор против командного состава Красной армии, в ходе которого погибли тысячи военных и большинство судей этого процесса.

1957. 22–29 июня

В Москве прошел пленум ЦК КПСС, который стал кульминацией борьбы за власть в высших эшелонах КПСС. Большинство членов президиума ЦК, в том числе формально глава государства К.Е. Ворошилов и глава правительства Н.А. Булганин, были объявлены заговорщиками. Власть лишь спустя неделю после окончания пленума объявила о том, что «группа» (Ворошилова и Булганина в нее не включили) состояла из трех человек (В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича) и «примкнувшего к ним» Д.Т. Шепилова, попытавшихся в июне 1957 г. сместить Н.С. Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС. Членов «группы» вопреки традиции не репрессировали, а всего лишь вывели из ЦК и послали на «низовую» работу, а через несколько лет исключили из партии. Начался период единоличного правления Н.С. Хрущева, продолжавшийся более 7 лет.

1962. 1–2 июня

Постановление Совета министров СССР о повышении розничных цен на мясо и масло привело к восстанию рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода им. Буденного. Они объявили забастовку, заняли территорию завода и блокировали движение на Северо-Кавказской железной дороге. К рабочим присоединились жители соседних поселков. На 3 дня Новочеркасск оказался во власти рабочих. В город вошли воинские части и танковые подразделения. Прибывшие в Новочеркасск члены Политбюро ЦК КПСС распорядились подавить беспорядки. Очередная демонстрация рабочих была расстреляна. По официальным данным, 26 митингующих погибли, более 80 получили ранения, однако точных данных о количестве жертв нет, поскольку многие документы из архивов КГБ до сих пор остаются засекреченными. После показа

фильма суда семерых участников восстания приговорили к расстрелу, 105 осудили на длительные сроки тюремного заключения.

Расстрел мятежа в Новочеркасске привел к усилению борьбы с инакомыслием и возрождению атмосферы страха, но вместе с тем способствовал появлению в стране сильного диссидентского движения, рассказали опрошенные «Кавказским узлом» историки. Реакция властей на мятеж в Новочеркасске была крайне политизированной и спустя годы стала одной из причин развала СССР, подчеркнули они.

Только в 1992 г. Главная военная прокуратура возбудила по факту новочеркасского расстрела уголовное дело, но никто из виновников трагедии не понес наказания ввиду смерти главных фигурантов.

1977. 4 июня

Был опубликован и вынесен на «всенародное обсуждение» проект новой («брежневской») Конституции СССР. Проект вызвал оживленную дискуссию, в самиздате начал выходить журнал «Вокруг проекта конституции», в котором особое место уделялось ст. 6 проекта, где законодательно закреплялась всевластие КПСС. Из «письма двенадцати» (среди подписавших – Петр Григоренко, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Раиса Лерт, Валентин Турчин, о. Глеб Якунин): «Если в стране узаконена верховная власть политбюро ЦК КПСС, пусть так и будет сказано в конституции. В мире есть монархии, единоличные диктатуры, теократические государства, – почему бы не быть государству, верховной властью которого является группа партийных лидеров? Не надо только называть это демократией».

1982. 30 июня

Этим числом датирован последний (№ 64) из вышедших в свет выпусков информационного бюллетеня московских правозащитников «Хроника текущих событий». Следующий, 65-й выпуск был подготовлен осенью 1983 г., но ни в самиздате, ни за рубежом он не попал. Машинописный экземпляр выпуска № 65, сохранившийся одним из составителей последних номеров «Хроники» Борисом Смушкевичем, находится ныне в архиве «Мемориала». Издание «Хроники текущих событий» прекратилось после ареста 17 ноября 1983 г. Юрия Шихановича, в течение многих лет игравшего существенную, а с мая 1980 г. – определяющую роль в подготовке бюллетеня. Более издание не возобновлялось.

1987. 18 июня

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции». Впервые за долгие годы амнистия распространялась на политзаключенных, осужденных по ст. 190-1 УК РСФСР («клевета» на советский строй), ст. 142 и ст. 227

УК РСФСР (с их помощью власти преследовали активистов религиозных движений). По этому указу было освобождено большинство политзаключенных (несколько сотен) – кроме тех, кто отвергал саму возможность принимать амнистию в убежденности, что находится в неволе незаконно.

1997. 19 июня

В Кельне умер правозащитник, литературный критик, переводчик, узник сталинских лагерей (1945–1954 гг.), мемуарист, общественный деятель Лев Зиновьевич Копелев. В 1968 г. он был исключен из КПСС, а в 1977 г. – из Союза писателей за правозащитную деятельность. В 1980 г. Копелев был вынужден эмигрировать из СССР. Он активно поддерживал работу «Мемориала». Произведения Льва Копелева переиздала Харьковская правозащитная группа.

1977. 16–18 июля

Большевики предприняли первую попытку вооруженного захвата власти в Петрограде. После ее неудачи ряд большевистских деятелей (Троцкий, Каменев, Луначарский) были арестованы, а руководители партии Ленин и Зиновьев скрылись в шалаше в Разливе.

1937. 3 июля

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло совершенно секретное постановление «Об антисоветских элементах», инициировавшее Большой террор. Долгие годы механизмы Большого террора были тайной, которая была раскрыта недавно, в том числе с участием историков-мемориальцев. В своих статьях они описали массовые репрессивные операции НКВД. Первая из них регулировалась приказом НКВД № 00447, который предусматривал создание в каждом регионе СССР внесудебных органов – «троек» из представителей руководства региона (НКВД, ВКП(б), прокуратуры). «Тройки» выносили заочно всего 2 типа приговоров – к расстрелу или к 8–10 годам исправительно-трудовых лагерей. Категории «антисоветских элементов» – «кулаки», духовенство, члены бывших политических партий, заключенные ИТЛ, продолжающие в лагерях антисоветскую деятельность, уголовники (конокрады, фальшивомонетчики) и т.д. – подлежали поголовному уничтожению. На каждый регион выделялись нормы на расстрел и заключение в лагерь. За 4 месяца следовало репрессировать около 300 тысяч человек. Срок полномочий «троек» несколько раз продлевался. Они действовали до осени 1938 г. Всего жертвами операции по приказу № 00447 стали около 800 тысяч человек, примерно половина из них была расстреляна.

15 июля

День открытия канала «Москва–Волга». К этому времени все руководство строительства канала (крупнейшей лагерной стройки 1933–1937 гг.) во главе с близким

соратником Г.Ягоды Семеном Фириним было расстреляно.

Из миллиона заключенных, трудившихся в невероятно тяжелых условиях на строительстве канала, по официальным данным, погибло более 22 000 (цифра, возможно, занижена, судя по рассказам очевидцев).

1942. 28 июля

Сталин издал приказ, который не публиковался в печати, но был зачитан во всех подразделениях действующей Красной армии. В нем констатировалось критическое состояние обороны страны после неудач летней кампании 1942 г. Приказ предписывал ввести смертную казнь для всех военнослужащих, от генералов до рядовых, отступающих без приказа; для «трусов» и «дезертиров» создавать штрафные подразделения – роты и батальоны, которые следовало посылать на наиболее опасные участки фронта. По этому же приказу начали создавать заградительные отряды, которые должны были вести огонь по своим войскам, отступающим без приказа.

1952. 20 июля

В больнице инвалидного отделения Минлага (поселок Абезь Коми АССР) умер русский религиозный философ и историк Лев Карсавин. В 1922 г. он был выслан из СССР за свои противоречивые марксистские книги. Жил в Литве, был профессором Каунасского, затем Вильнюсского университета. В 1948 г. Карсавин был арестован. «Преступной» сочли его общественно-политическую деятельность 1920-х гг. в эмиграции.

Место захоронения Карсавина было установлено в 1989 г. благодаря многолетним поискам энтузиаста В.И. Шаронова. В 1990 г. мемориалец из Абези Виктор Ложкин установил на могиле крест, а литовские общественные организации поставили памятник репрессированному на постаменте в форме разъятого металлического листа с разрывом в виде креста.

1957. 28 июля – 11 августа

В Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это было первое после смерти Сталина мероприятие, позволившее москвичам относительно свободно общаться с множеством иностранцев, приехавших в столицу СССР. Это была первая брешь в «железном занавесе». Несмотря на грандиозную милицескую операцию по недопуску нежелательных для властей контактов советских граждан с иностранцами, в том числе высылку бомжей, инвалидов и людей, «социально опасных», с точки зрения властей, такие контакты все же были (появилось даже понятие «фестивальные дети»).

1967. 17 июля

По решению Политбюро ЦК КПСС было создано пятое управление КГБ для борьбы с идеологической диверсией. Оно просуществовало до 1989 г. В результате его деятельности тысячи инакомыслящих были осуждены по политическим мотивам, направлены на принудительное лечение в психиатрические больницы, принуждены к эмиграции или высланы из СССР.

1977. 1 июля

Власти провели репрессивную операцию против хельсинкского движения в СССР. Выездная сессия Донецкого облсуда в г. Дружковке Донецкой области вынесла приговор членам-учредителям Украинской Хельсинкской группы писате-

лю Николаю (Мыколе) Руденко и педагогу, бывшему политзаключенному хрущевских лагерей Алексею (Олексе) Тихому. Инвалид войны Николай Руденко получил 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки, а Тихий, признанный особо опасным рецидивистом, – 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки. Он умер в тюремной больнице в 1984 г.

1987. 23–30 июля

В центре Москвы прошли демонстрации и сидячие забастовки представителей крымско-татарского народа. Несколько сотен человек выступили с требованием скорейшего возвращения на родину. Впервые милиция не разогнала демонстрантов. Новацией стало и объявление о фактах демонстраций и требованиях крымских татар в советских СМИ. В сообщении ТАСС говорилось о создании правительственной комиссии во главе с председателем президиума Верховного Совета СССР А. Громыко для решения этого вопроса, однако при этом были повторены обвинения сталинского времени о «массовой измене» крымских татар. 27 июля Громыко встретился с представителями крымских татар и посоветовал им «не взвинчивать обстановку».

1992. 7 июля

Прошло первое заседание Конституционного суда РФ по так называемому делу КПСС. Одновременно слушались 2 иска. Представители депутатской фракции «Коммунисты России» требовали признать не соответствующими Конституции указы Бориса Ельцина о запрете КПСС и конфискации ее имущества. Встречный иск о признании неконституционной всей деятельности КПСС за период ее пребывания у власти подали сторонники Ельцина. Состоялось 52 заседания суда. Были заслушаны десятки свидетелей – бывших высших руководителей СССР и КПСС и бывших политзаключенных и диссидентов (В.К. Буковский, Р.А. Медведев, Л.Э. Разгон, Г.П. Якунин). Суд получил 110 экспертных заключений (одно из них было составлено при участии экспертов «Мемориала» Н.Охотина, Н.Петрова и А.Рогинского). Из архивов были извлечены десятки томов ранее совершенно секретных документов, характеризующих деятельность партии с октябрьского переворота до путча ГКЧП.

30 ноября 1992 г. суд оставил в силе решение о роспуске руководящих структур КПСС и КП РСФСР. Большая часть имущества КПСС перешла в собственность государства. В постановлении суда указывалось, что «руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей».

Решение суда не удовлетворило ни стороны, ни общественность. Российские коммунисты получили возможность в начале 1993 г. провести внеочередной съезд, и КПРФ стала быстро восстанавливать свое влияние.

Значение процесса по «делу КПСС» состоит прежде всего в том, что были рассекречены и стали достоянием ученых и общественности тысячи уникальных архивных документов, без которых невозможно написать историю России XX века.

На снимке: Милицеская колонна, 1960-е гг.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:**Международная общественная организация****«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»***

* Внесен в реестр иностранных агентов, ослабляет это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12**Тел. приемной:** (495)699-1180**Тел. редакции:** (495)699-6478**E-mail:** 30october@cknot.info**В подготовке номера участвовали**
Я.З.Рачинский, А.А.Макаров**Главный редактор** Г.С.Шведов**Выпускающий редактор** Н.В.Савельичева**Литературный редактор** Л.М.Алексеева**Корректор** Г.В.Заславская**Верстальщик** В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 138 от 20.06.2017 г. (июнь – июль 2017). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно